

"Она уже мертва"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Виктория Евгеньевна Платова

Она уже мертва

Роман

Часть первая

Дети

Август. Белка

...Ждали Сережу.

Он должен был прилететь еще вчера, но вместо Симферополя оказался в Люцерне. О чем и сообщил Лёке – единственному счастливому обладателю номера его мобильного. Прежде чем ответить на звонок, Лёка долго шевелил губами, считывая имя с дисплея, затем покраснел, вспыхнул и приложил палец к губам.

- Это Сережа! - торжественно произнес он.

Если бы он сказал: «Минуточку, нам звонит Бог», никто бы не удивился. Сережа и есть бог их многочисленного, бестолкового, разросшегося вкривь и вкось семейства. А с самым настоящим Богом его роднит частота упоминаний в прессе. И еще то, что его никто и никогда не видел живьем последние двадцать лет. Двадцать два, если быть совсем точным. Ровно столько времени прошло с тех пор, как они собрались здесь в последний раз – в то страшное лето, ознаменовавшееся одним исчезновением и одной таинственной смертью.

Никто не любит вспоминать о том лете.

Нет, не так. Все просто вычеркнули его из памяти, вовремя остановились у черты, за которой снова появляется этот запах – затхлого песка, мертвых дафний и полуразложившихся водорослей. В них когда-то нашли...

Не произносить имени.

«Да» и «нет» не говорить, черное и белое не носить – как в главной игре того лета. В нее играли младшие дети, но изредка присоединялись и старшие, и тогда все становилось намного интереснее. Для Белки, во всяком случае. Белка не была самой младшей, но и старшие, с их первыми тайнами и влюбленностями, обходили ее стороной. В то лето ей исполнилось одиннадцать, самый никудышный возраст. Самый уязвимый: вечно надутые губы, одиночество среди стрекоз, взрослая книжка, небрежно брошенная на веранде, *кто тут у нас читает «Идиота»?*

Этот вопрос задал Сережа.

В три часа тридцать минут пополудни, о чем засвидетельствовал бой часов в гостиной. Вопрос как раз и совпал с боем часов, оттого и получилось грозное: «Кто тут у нас читает „Идиота“, бо-ом бо-ом?» И Белка сразу поняла, что перед ней – бог. На десять лет раньше всех остальных.

Бог держал в руках кроссовки, за плечами у него болтался рюкзак, а в волосах застрял кузнечик. Белка сосредоточилась на кузнечике и хмуро произнесла:

- Я.

- Ясно. Давай знакомиться. Я - Сережа.
- А я... - тут Белка назвала свое настоящее имя.
- Да? - бог почесал переносицу. - Вообще не очень-то похоже.
- Это еще почему?
- Потому.

В три тридцать пополудни Белка еще не знала, что безапелляционное «потому» - любимое Сережино слово. Исключающее долгие и нудные пояснения.

- Буду звать тебя Белкой, - кузнечик оттолкнулся от жестких, как проволока, волос Сережи и шлепнулся на ляжку рюкзака. - Возражения не принимаются.

Белка и не думала возражать. Ей понравилось новое имя, а еще больше понравился Сережа и то, что он сделал потом. Осторожно снял кузнечика с лямки и положил на раскрытую ладонь. Тот, подобно Белке, тоже не возражал, сидел на ладони смиренхонько, расставив длинные ноги. Сережа тихонько дунул на него, и кузнечик... исчез! Растворился в стеклянном жарком воздухе, как будто его и не было. Белка смотрела на пустую Сережину ладонь, словно зачарованная. А потом спросила:

- Это такой фокус, да?
- Ни разу не фокус, - засмеялся Сережа.
- Ты повелитель кузнечиков?
- Не только.
- Всего-всего?
- Можно сказать и так, - совершенно непонятно, шутит ли бог или говорит правду. Наверное, говорит правду, потому что боги не лгут. А если и лгут - то кому-то более значимому, чем маленькая девочка, застрявшая на тридцать пятой странице романа «Идиот». Например - бабушке.

Белка боится бабушку. Бабушка - строгая, молчаливая, скупая на ласку. Рук у нее явно больше, чем две, но сколько именно - разглядеть не удастся. Всем этим рукам находится применение в хозяйстве, но Белка ни разу не видела, чтобы они гладили кого-то по голове. Стегали тонким жестким прутком - *лозиной* - это да. Не далее чем два дня назад Белке тоже досталось, воспоминания о лозине и сейчас вызывают в ней приступ бессильной ярости. Вот если бы бабушка исчезла от дуновения - как кузнечик! Нет, Белка вовсе не кровожадная и не хочет, чтобы бабушка испарилась навсегда. Но двух-трех дней было бы вполне достаточно. За это время тонкие фиолетовые полосы на краях побледнеют и ярость пройдет. И - оп-ля! - бабушка снова может возвращаться к своей многорукой хозяйственной деятельности.

- Если я тебя попрошу... Раз уж ты повелитель всего-всего... Можешь сделать так, чтобы исчез один человек?
- Смотря что за человек, - теперь Сережа выглядит серьезным и даже озабоченным просьбой Белки.

- Э-э...

- Только не говори, что это - Парвати.

- Кто такая Парвати?

Следить за передвижениями бога - невозможно. Только что он был в трех метрах от Белки, а теперь оказался совсем рядом. Навис как скала. Это - не простая скала, а скала с маленьким водопадом; она увита уютным диким плющом, и если напрячь зрение, то можно разглядеть в зелени крошечных ящериц, крошечных птичек и таких же крошечных лемурув. В толстой книжке «Идиот» о лемурах не сказано ни слова, просто эти зверьки ужасно нравятся Белке.

Именно так - ужасно.

Применительно к Сереже это звучало бы - уу-жжжжа-аа-сссс-но!

Больше всего Белке хочется остаться в тени скалы - вот где ее ждет спасение от палящего южного солнца, такого же многорукого, как и бабушка.

- Ты не знаешь, кто такая Парвати? - шепчут ей на ухо прохладные струи водопада.

- Не-а.

- Наша бабушка.

Как есть - бог! Ну кто бы еще догадался о нехороших мыслях, что роятся в голове Белки? Застигнутая врасплох, она краснеет, из глаз вот-вот брызнут слезы, летний день померк в одночасье. И только в Сережиных силах вернуть свет. Но он не торопится, лишь внимательно обшаривает глазами Белкино лицо. В жизни своей она не видела таких удивительных глаз, их цвет меняется ежесекундно: сначала они показались Белке светло-карими, а теперь они - зеленые, как исчезнувший кузнечик. Уж не там ли он сейчас обитает, кузнечик?...

- Есть проблемы? - Сережа подмигивает Белке.

- Не-а.

- Врешь, - это сказано без всякого укора, напротив - с пониманием и даже одобрением.

- Я никогда не вру.

- Так не бывает, чтобы никогда.

- А вот и бывает.

- Ловлю тебя на слове.

- Зачем? - искренне удивляется и без того пойманная в силки Сережиного обаяния Белка.

- Затем, что рано или поздно наступит такой момент, когда нужно будет сказать правду. Какой бы горькой или страшной она ни была. Врунишки попытаются отвертеться, тогда и наступит твой звездный час. Звездный час правдивого человека.

Правдивому человеку по имени Белка трудно понять, что имеет в виду бог по имени Сережа. О какой горькой и тем более страшной правде идет речь?...

- Ладно, проехали.
- Проехали, - трясет головой Белка.
- Без остановок.

Отличная идея - ехать куда-то без остановок, тем более - с Сережей! Несколько секунд Белка выбирает между воображаемым поездом и воображаемым трамваем, склоняясь в пользу последнего. Она не любит поезда: поезда - неуклюжие и длинные, как змеи. Они дурно пахнут, кашляют и, утробно урча, переваривают людей в своих железных желудках. Не далее как две недели назад, Белка увидела это воочию. Перрон Витебского вокзала был полон стариков, детей и взрослых, и все они - за небольшим исключением - казались ей красивыми. Особенно - собаки (Белка любит собак!), в их с Машей-Мишей вагон загрузились сразу три: такса, щенок добермана и веселая трехцветная дворняга. Маша-Миша - Белкины *кузены*, так называет их мама. Белка же сократила кузенов до МашМиш, лучше было этого не делать! От МашМиш рукой подать до кишмиша, который она терпеть не может. И вечно выковыривает его из покупных ванильных булочек. МашМиш так просто не выковыряешь, у них - хватка. Что подразумевает под словом «хватка» мама - Белке неизвестно. МашМиш никого особенно не хватают, держатся почтительно, как и положено провинциалам. Они живут в городе Саранске, в Ленинград приехали впервые - всего лишь на несколько дней; Ленинград - не конечная точка их путешествия, а начальная. Здесь они прихватят Белку и все втроем отправятся на юг, к бабушке. Так решили после бесконечных телефонных переговоров по межгороду отец Белки и мама МашМиша. За Белку в такой солидной компании можно не волноваться, МашМишу не так давно стукнуло шестнадцать, они - взрослые.

И они - двойняшки.

Почти близнецы.

Почти, потому что МашМиш не могут, как это принято у близнецов, смотреться друг в друга, как в зеркало. Во-первых, Маш - девушка, а Миш - парень. Во-вторых, у Маш - черные как смоль волосы, а Миш - блондин. Маш - резкая и порывистая, а Миш - самый настоящий увалень, к тому же он на голову выше сестры. Но это ровным счетом ничего не значит, Маш вертит братом, как хочет. Белка подозревает, что не только братом.

Маш - красивая, но эта красота совсем иного свойства, чем простодушная привлекательность таксы, щенка добермана и трехцветной дворняги. В красоте Маш скрыт какой-то подвох, хотя объяснить, в чем именно он состоит, Белка не может. Ей остается лишь наблюдать, как Маш орудует своей красотой, наносит удары окружающему миру и все они попадают точно в цель. Места им достались не самые удачные: плацкарт, последнее купе рядом с туалетом, плюс верхняя боковая полка по соседству. Но и десяти минут не прошло, как *кузены* оказались в центре вагона, с двумя нижними полками в активе. Что сделала Маш?

Всего лишь улыбнулась - сначала проводнику, а потом вислоусому кавказцу и дядьке с огромным животом и такой же огромной лысиной. Лезвие этой улыбки сразило всех троих наповал, и огромный живот и кавказские усы отправились куковать у туалета. К ним присоединился студентик, выкинутый проводником с места, которое теперь занимает Белка. Больше она их не видела, а если и видела, то не узнала. Всему виной неустанный пищеварительный процесс в недрах поезда-змеи: змея всасывает чистых и опрятных людей, а уже через несколько часов от чистоты и опрятности и следа не остается. Все выглядят унылыми, помятыми, как будто вывернутыми наизнанку. Все липнут друг к другу, как

монпансье в жестяной коробке, запах пота смешивается с запахом жареной курицы; такса поскуливает, ей вторит дворняга, и лишь щенок добермана кажется довольным жизнью.

Он, да еще Маш.

В отличие от взмокшего, хватающего спертый воздух ртом Миша, Маш чувствует себя прекрасно. От нее веет прохладой, но Белке почему-то приходит на ум, что это – никакая не прохлада.

Сквозняк.

А мама строго-настрого запретила Белке торчать на сквозняках, может быть, поэтому ее отношения с Маш не задалась с самого начала. Что странно, ведь она ждала приезда МашМиш, как только может ждать одиннадцатилетняя девочка. МашМиш даже трижды приснились ей – прекрасные, как морские звезды. Во сне они протягивали Белке руки-лучи, беззвучно смеялись, приоткрыв створки ртов: там были спрятаны жемчужины взрослых тайн, которыми МашМиш просто обязаны с ней поделиться. Ведь именно для этого существуют старшие братья и сестры, пусть даже двоюродные. Но в жизни все вышло гораздо прозаичнее, хотя рот Маш и впрямь напомнил Белке кладбище отборного жемчуга. Зубы Миша – вовсе не такие ровные и блестящие, он явно не дотягивает до сестры.

Никто не дотягивает до Маш, всех сдувает безжалостным сквозняком.

– Значит так, – заявила Маш, едва они обустроились на своих новых местах. – Слушаться меня беспрекословно. И не вздумай капризничать и качать права.

– Иначе? – протянула Белка.

– Иначе – расстрел, – Миш свесил с верхней полки лохматую голову и подмигнул девочке.

– Шутка, да?

– Нет, – ответила Маш вместо брата.

И Белка сразу поверила в невероятное: Маш может пристрелить ее за малейшую оплошность. Вряд ли она сделает это сама, у нее и пистолета-то нет. Но пистолет найдется у кого-нибудь еще, и этот кто-то обязательно пустит его в ход, загипнотизированный улыбкой Маш. И ни одна живая душа не вспомнит о маленькой Белке, не пожалеет ее. Никому она не нужна, кроме мамы и папы. Но они остались в Ленинграде, на перроне Витебского вокзала: на их плечи улеглось предвечернее солнце, – не потому, что устало и ему пора отправляться на покой, а потому... что оно тоже ищет защиты от Маш и ее острой, как нож, улыбки.

Вспомнив о родителях, Белка шмыгнула носом. В горле у нее запершило, а из глаз выкатились две аккуратные слезинки. Маш взглянула на них с презрением и даже какой-то гадливостью, как будто это были вовсе не слезы, а парочка угрюмых и неприятных на вид пауков-землекопов. *Атипичные тарантулы* – так называет их папа, о, у Белки непростой папа! Он – ученый, специалист по паукообразным. Раннее детство Белка провела в Туркмении, в пустыне Каракумы, затем была пустыня Кызылкум с самыми что ни на есть типичными тарантулами. А потом они вернулись в Ленинград, где Белку ждал первый класс средней школы. А теперь, спустя четыре года, еще и расстрел на месте – в железном пищеводе поезда-змеи.

– За дурацкие слезы тоже полагается пуля в лоб, – заявила Маш, и *атипичные тарантулы* тотчас испарились, не достигнув подбородка.

- Усекла? - поддержал сестру Миш.

Белка кивнула головой и забила в самый дальний угол, прижав к животу тощую вагонную подушку. Кажется, так она и просидела все два дня (ровно столько заняла дорога), исподтишка наблюдая за Маш и вынашивая планы мести жестокосердной кузине. Главным орудием будущей мести были, конечно же, горячо любимые папины пауки: птицееды, каракурты, бокоходы и кругопряды. А также примкнувшие к ним *не совсем пауки* - фаланги и скорпионы. Не все из них ядовиты, но устрашающе выглядит любой. Мама, к примеру, так и не смогла привыкнуть к папиным подопечным и вздрагивает, стоит лишь самому безобидному пауку появиться в поле ее зрения. А ведь мамина специальность гораздо более серьезна, чем даже папина, она - серпентолог.

Специалист по змеям, кандидат наук.

Конечно, змеи в борьбе с Маш были бы куда как предпочтительнее, но... С ними одна морока! Они слишком большие, чтобы воспользоваться ими незаметно, слишком непредсказуемые. А по ядовитости ни один паук с ними не сравнится, разве что каракурт и его грозная самка - «черная вдова». «Черная вдова» - папина любимица, он не устает восхищаться ей и утверждает, что ее яд в пятнадцать раз опаснее, чем яд гремучей змеи.

Наличие «черной вдовы» не помешало бы. Белка так и видит эту чудесную, единственную в своем роде, картину: парализованная ужасом Маш корчится в муках, и никто, никто не приходит ей на помощь. Даже Миш, от которого в принципе нет никакого проку. Он лишь оруженосец. Или, лучше сказать, ножны; именно в них Маш сует свою улыбку, когда устает от нее. Лохматый увалень Миш - бледная тень сестры, а тень не способна принимать самостоятельные решения. Это понимает даже одиннадцатилетняя Белка. Она не даст кузине умереть. Все, что ей нужно, - увидеть, как Маш перестала быть божеством.

Низвержение божества происходит лишь в сознании Белки. А в остальном ничего не меняется, Маш - по-прежнему предмет поклонения всей мужской части вагона. Даже щенок добермана благоволит ей, что совсем уж не лезет ни в какие ворота. Собаки чуют плохих людей - так всегда утверждал папа. Наверное, где-то он ошибся. Что-то недоучил на своем биофаке, увлекшись паукообразными.

Маш - богиня-разрушительница.

Но теперь у нее появился противовес - добрый бог Сережа. И он главнее Маш, это несомненно. Сереже ничего не стоит оседлать трамвай и вместе с Белкой отправиться на нем без остановок. Куда? Белке все равно. Их волосы полощутся на ветру (в трамвае открыты все окна), сплетаются друг с другом, и лемуры, маленькие птички и крошечные ящерицы свободно скачут по ним, как по лианам в тропическом лесу. И улыбка Сережи совсем не такая, как у Маш, - она не похожа на нож или на опасную бритву, а... На что она похожа?

На все то, что Белка любит больше всего: эскимо «Ленинградское», овсяное печенье, подоконник в гостиной, низкий и широкий, на нем замечательно сидеть, расплющив нос по стеклу, и наблюдать за Кировским проспектом... Фу-у, какая же она дура! Как можно сравнивать Сережу с овсяным печеньем? А тем более - с эскимо и подоконником, пусть даже он и похож на палубу корабля и тело его испещрено загадочными, едва заметными сквозь множество красочных слоев надписями:

ЮЛИЯ ЛОВУАРЬ и Ко
Невѣста безъ мѣста

Гдѣ ты, кромѣшное счастье моѣ?

Впрочем, кое-какое сходство все же имеется. Правую Сережину руку украшают непонятные значки, столбцом тянущиеся от плеча к локтю. Они заинтересовали бы и маму и папу, потому что похожи и на пауков, и на змею одновременно:

午
後
の
曳
航

Иероглифы, вот как это называется! А еще это называется татуировка, у Белкиного папы тоже есть татуировка, она окопалась на спине, и папа немного ее стесняется. «Ошибки бурной юности» - именно по этому разряду проходит квинтет разухабистых скелетов, вооруженных музыкальными инструментами: контрабас, саксофон, тромбон с трубой и ударная установка.

«Ленинградский диксиленд» - так именует папино наспинное безобразие мама, *о чем ты только думал, когда заводил этот вертеп? Уж точно не о жене и о ребенке.*

- Мне было восемнадцать, и я был дураком.

- Не таким уж дураком, - парирует мама. - Иначе выбил бы скелетов у себя на лбу. Или на груди. Чтобы здороваться с ними, выходя из душа. Надолго бы тебя хватило?

- Ненадолго, - вздыхает папа.

- Но ты предпочел, чтобы их видел кто угодно, кроме тебя. О чем это говорит?

- О чем?

- Ты - эгоцентрик. Любитель распустить хвост по поводу и без повода.

Белка знает наперед все то, что скажет папа: если бы он был любителем распустить хвост, то занялся бы львиными прайдами, а не какими-то невнятными пауками. И украсил бы спину не скелетами, а группой «Битлз». Или, на худой конец, Лениным, слушающим «Аппассионату». И вообще, эта чертова татуировка принесла ему кучу проблем, *но ты ведь не оставишь меня из-за такого пустяка?*

Белка знает наперед все то, что скажет мама: даже тривиальный поход на пляж оборачивается сущей морочкой, потому что к ней подходят самые разные люди с одним и тем же вопросом - «не разыскивает ли вашего спутника милиция?». И можно только представить, какой ажиотаж вызывает татуировка среди посетителей общественных бань!.. Тут папа замечает, что контингент посетителей общественных бань - вещь довольно специфическая, и видели они еще не такое. Тогда мама переключается на Белку, *ребенку лицезреть весь этот анатомический театр вовсе необязательно, я тебя не оставлю и из-за более серьезных вещей, не надейся!..*

Что подразумевается под более серьезными вещами?

Болезнь, потеря работы, отсутствие денег - все то, чего так боятся взрослые. Но в своих маме и папе Белка уверена на все сто. Они всегда будут вместе, что бы ни произошло.

- ...Татуировка, да? - Белка внимательно рассматривает иероглифы.

- Точно.

- И что она означает?

- Секрет.

- И ты мне никогда его не откроешь?

- Ну... - Зеленые Сережины глаза снова становятся карими. - До сих пор в мои планы это не входило.

- А теперь?

- И теперь не входит. Разве что... Могу сменить его на равноценный.

- Это как?

- Ну, если у тебя есть какой-нибудь очень важный, очень секретный секрет... Мы можем обменяться. Есть у тебя такой секрет? Подумай хорошенько.

Белка закусывает губу, пытаясь угадать, что может произвести впечатление на Сережу. Юлия Ловуарь и К° отваливаются сразу, «Ленинградский диксиленд» - чуть погодя. В конце концов, скелеты принадлежат папе, а Белке - лишь постольку-поскольку. МашМиш покуривают втихаря: Белка застучала их совершенно случайно в конце кипарисовой аллеи, за лавровыми кустами. Не то чтобы МашМиш испугались, - они даже растерянными не выглядели. И до переговоров с Белкой не снизошли, - Миш всего лишь приложил палец к губам, а Маш сжала кулак и выставила вперед указательный палец, имитируя пистолет.

Бэнг, – сказала она, – *бэнг-бэнг!* Кажется, это американский вариант «пиф-паф», МашМиш спят и видят, как бы им убраться в Америку побыстрее. Их ровесник Лёка, постоянно живущий в доме бабушки, даже не помышляет о том, чтобы куда-нибудь уехать. МашМиш дразнят его деревенским дурачком и дауном; иногда используется сокращенный вариант – даунито: *вон даунито пошел! Пойди спроси у даунито!*

Лёка, конечно, никакой не даунито, ему бы подошло определение «блаженный». Лицо его кажется непо-движным – самое настоящее горное плато, почти всегда скрытое туманом. Изредка туман рассеивается, и тогда можно увидеть Лёкины глаза, круглые, как у птицы. Но, в отличие от птичьих, они опушены ресницами – прямыми и такими длинными, что и глаза перестают быть глазами: так, два колодца, заросшие по краям камышом. Или две норы в тени двухметровых сорняков. Колодцы роют люди, норы – животные; первые – чрезвычайно рациональны, как утверждает папа, и этой рациональностью измеряется глубина колодца. Вторые подчиняются инстинктам, а инстинкты – вещь непредсказуемая, как и глубина норы; и оглянуться не успеешь – окажешься где-то у земного ядра. В любом случае, Белке не хотелось бы свалиться ни в колодец, ни в нору. О камыш можно порезаться, о сорняки – уколоться, кроме того, они выделяют обжигающий ладони млечный сок. Вывод напрашивается сам собой – от Лёки нужно держаться подальше.

Но он и сам ни к кому особенно не приближается.

Целыми днями он копается в огороде или в сарайчике или что-то строгаёт в мастерской. Еще он ездит в поселок за продуктами, конопатит старенькую лодку и ухаживает за мерином по кличке Саладин. К Саладину прилагается телега, именно на ней Лёка встречал их в Ялте. МашМиш отнеслись к телеге скептически, а Белке она понравилась. Телега набита сеном и – для мягкости – устлана старыми коврами. Всю дорогу Белка (вместо того чтобы изучать красоты Южного берега Крыма) пялилась на эти ковры. Всему виной рисунки – диковинные птицы, животные и растения, сплетенные друг с другом в самых невероятных комбинациях. Птицы и животные, безобидные сами по себе, поселили в сердце девочки смутную тревогу, а растения вовсе не спешили рассеять ее. Иногда Белке казалось, что тревога вот-вот улетучится или, наоборот, станет настолько явной, что с ней можно будет справиться одним усилием воли. Волевое усилие – единственное, что необходимо человеку для жизни. После любви, разумеется, об этом иногда говорят между собой мама и папа. Смысл подобных многомудрых суждений Белке неясен. И вообще – в разговоры взрослых лучше не влезать. Хотя мама и папа никогда не были противниками доверительных бесед с дочерью.

Воля требуется для того, чтобы не раздавить паука, когда очень хочется это сделать.

Воля требуется для того, чтобы заглянуть в глаза змеи, когда очень не хочется делать этого. Не из чистого суеверия (так поясняет мама), а для того, чтобы понять: ядовита змея или нет. У безобидных дневных ужей и полозов – круглые зрачки, как у самого человека, или рыбы, или собаки. У ядовитых змей, вроде гюрзы, кобры или щитомордника (они ведут преимущественно ночной образ жизни), – вертикальные.

Как в эту плюющуюся ядом шеренгу затесалась Аста – неясно.

Аста – еще одна двоюродная сестра Белки, она приехала сюда из Таллина. Аста, МашМиш, Лёка – старшие дети. Есть еще младшие, *пузатая мелочь*, от трех до восьми: Генка, предпочитающий откликаться на имя Шило, Роёстик, Аля, Тата и Гулька (на самом деле Гульку зовут Никита). Итого – девять, за вычетом Белки и Лазаря. Лазарь – такой же *не-пришей-кобыле-хвост*, как и сама Белка, и дело тут не только в том, что ему двенадцать (детство кончилось, а отрочество еще не наступило). А в том, что он – чужак. Не связанный

родственными узами ни с кем из детей, за исключением маленькой Таты. Тут имеет смысл углубиться в генеалогию Белкиной семьи. Большой Семьи, а не той, что осталась в Ленинграде. У бабушки было восемь детей: четыре дочери и четыре сына. О двоих (Самом старшем и Самой младшей) вспоминать не принято, их прячут от посторонних глаз в толстом бархатном фотоальбоме, в среднем ящике комода. Ящик всегда заперт на ключ, а ключ висит на шее у бабушки, рядом со старомодным медальоном «Обратная сторона Луны». Это название, равно как и имя Парвати, придумал Сережа, – кто же еще!.. Когда Белке было одиннадцать, ей просто нравилось сочетание слов – обратная-сторона-Луны, а об их тайном и пугающем смысле она задумалась много позже. А может, и не было никакого пугающего смысла, всему виной то лето; одно исчезновение и одна смерть делают страшным абсолютно все, заставляют повсюду искать Знаки трагедии.

После того, что случилось, Большая Семья перестала существовать. Ее саму впору было упаковать в бархат и запереть в среднем ящике комода.

Ключ от него напоминал Белке якорь.

Выброшенный на берег якорь, на него время от времени накатывались мутные волны бабушкиных янтарных бус. В такие моменты Белка думала о судне, оставшемся без якоря: бесприютное, оно подставляет стихии свои бархатные борта, и единственным его пассажиром – Самому старшему и Самой младшей – нет покоя, нет отдохновения.

Бедные они, бедные!..

У остальных членов Большой Семьи судьба сложилась намного удачнее: старшая дочь уехала по распределению в Таллин, вышла замуж за эстонца с труднопроизносимой фамилией Раудсепп и произвела на свет Асту. Средняя – мать МашМиша – осела в Саранске. Аля и Гулька прикатили сюда из Петрозаводска, где их мама – средняя-средняя сестра – работает секретарем в горсовете. Остаются еще три брата: специалист по паукам (Белкин папа), специалист по холодильным установкам (отец Ростика и Шила) и специалист по электрогидравлике. Пятилетняя Тата – его родная дочь, а Лазарь – сын нынешней жены от первого брака.

Лазарь держится особняком и почти все дни проводит в одиночестве – так же, как и Белка. И для этого одиночества у чужака гораздо больше оснований, чем у нее. Белку (при всей ее страсти к уединению) инородным телом в семейном пейзаже не назовешь, она неуловимо похожа не только на Ростика с Шилом, Лёку, Гульку или бабушку, но и на кипарисы, на лавровые кусты. На все то, что с детства впитывала Большая Семья, чтобы потом отдать семьям поменьше, веточкам потоньше. Даже в белокурой, белокожей Асте нет-нет да и проглянет южанка. Особенно когда она схлестывается с Маш. Между Астой и Маш идет необъявленная война, большей частью – позиционная: так бывает всегда, когда силы противников примерно равны.

Аста не менее красива, чем Маш, но это другой тип красоты. Возможно, увидев ее, не всякий остолбенеет, но любой – обернется и будет долго смотреть вслед. В сухопутной красоте Маш много ветра и царапающего лицо песка, он оседает на коже и еще долго скрипит на зубах. Красота же Асты отсылает к воде, к озерам среди скал, холодным и бездонным. Озера эти только с виду кажутся сонными, но нырнуть в них – все равно что подписать себе смертный приговор. Того и гляди затянет в омут, или водоросли обовьют шею так, что не вырвешься, или судорога сведет ноги. И флегматичные воды сомкнутся над тобой, как будто тебя и не было.

Поначалу взаимная нелюбовь Асты и Маш была не столь очевидной, лишь пронизательная Парвати, взглянув на обеих своих старших внучек, сказала:

- Беда!..

Беда пришла откуда не ждали: не отлипающий от сестры Миш неожиданно прилип к Асте и позвал таллинскую красотку на маленький галечный пляж составить компанию ему и сестре. Что уж там произошло на пляже доподлинно неизвестно, но вечером Маш шипела на брата, а тот больше всего напоминал побитую собаку.

На следующий день никаких приглашений от Миша не последовало, зато Белка перехватила шестилетнего Ростика. Он мчался к беседке - там, в гамаке, покрытом ковром, коротала время за чтением неприступная Аста. Книга, с которой она не расставалась, была во всех отношениях достойной: «Анжелика» Анн и Сержа Голон, а не какой-нибудь «Идиот».

- Куда несемся? - спросила Белка у Ростика.

- У меня дело! - важно заявил тот.

Дело, а скорее - дельце, оказалось ничтожным - так, на пару конфет. С веранды Белке хорошо было видно, как Ростик отдал Асте сложенный вчетверо листок бумаги и моментально исчез. Развернув листок, Аста пробежала по нему глазами и улыбнулась.

Гром грянул за обедом.

Хорошо еще, что на нем присутствовали не все - Парвати укладывала самых младших (*ничто так не способствует здоровью растущего организма, как послеполуденный сон*, - утверждала она). За столом, таким образом, остались Белка, Лазарь с вечными карманными шахматами, МашМиш, Аста, Лёка и Шило. Девятилетний Шило никак не мог справиться с котлетой и попытался тайком скормить ее Лёкиной собаке Дружку, за чем и был пойман Парвати. В довесок к подзатыльнику он получил еще одну котлету и строгое предписание сожрать ее во что бы то ни стало.

Итак, Шило ковырялся в тарелке, Лазарь - в шахматах; Лёка гладил Дружку по косматой голове, следя за тем, чтобы очередная котлета не попала к нему в пасть. Белка, как обычно, занялась сравнительными характеристиками Маш и Асты. На Белкин субъективный взгляд выходило, что Аста - вне конкуренции и что она непременно должна победить в войне. Нет-нет, надменная прибалтийская русалка не так уж нравилась ей, но Маш - после путешествия на поезде и *бэнг-бэнг-бэнг!* - нравилась еще меньше.

Давно пора проучить Маш!..

Аста как будто услышала Белку. Она улыбнулась - так же как тогда, в беседке; вынула из кармана злополучный листок и исполненным скрытого торжества голосом произнесла:

- Сегодня утром я получила послание. Никому не интересно, что в нем?

- Никому, - Маш скривила губы в презрительной гримасе. - Можешь засунуть его себе в задницу.

В этот момент Белка смотрела не на Маш, совсем на другого человека. Этот человек согнул - и откуда в нем взялась такая сила? - и разогнул чайную ложку. А потом бросил ее на пол.

- И напрасно, - продолжила Аста с видом победительницы. - На твоём месте, Маёри, я бы обязательно заинтересовалась его содержанием.

«Мари» - и есть Маш, только с эстонским акцентом. А Миша Аста величает «Миккелем». Белке ужасно нравятся эти переименованные имена, как к ним относятся МашМиш - неизвестно. Но публичных возражений с их стороны пока не поступало.

- Почему это?

- Потому что оно - о тебе. Любопытно знать, что думает о тебе один человек?

- Нисколько, - произнесенное слово вступило в явное противоречие с лицом саранской кухни. Маш сгорала от любопытства, Белка явственно это видела.

- Значит, мне порвать его? - теперь Аста самым недвусмысленным образом издевалась над Маш.

- Как знаешь.

- Я-то знаю. А вот ты никогда не узнаешь. Умрешь и не узнаешь, - в ту же секунду зрачки у Асты съезжились и стали вертикальными, почти как у змеи.

- Ну, если тебе так хочется... Я могу прочесть.

- Э-э, нет! Прочту его я. Вслух, если ты не возражаешь.

- Я возражаю!..

Это сказал Миш. Это он сгибал и разгибал ложку. Это он уронил ее и полез под стол, чтобы поднять. И даже оставался там пару лишних секунд. Неизвестно, что произошло с ним за эти пару секунд. Видимо, ничего хорошего, поскольку лицо его пылало, в жизни своей Белке не доводилось видеть таких лиц! Хотя... Она вдруг вспомнила о Байрамгельды - туркмене, который работал с папой в Каракумах. Байрамгельды умер от сердечного приступа за рулем экспедиционного грузовика. И за секунду до смерти его лицо стало таким же, каким было сейчас лицо Миша: пунцово-фиолетовым.

Вдруг и Миш умрет?

Несмотря на то что он был хвостовой частью самолета-истребителя «МашМиш», неоднократно атаковавшего Белку, она вовсе не хочет его смерти! Она хочет, чтобы лицо его снова стало самым обыкновенным! И странно, что никто не замечает, что с Мишем происходит неладное: Маш и Аста пожирают друг друга глазами, а все остальные пожирают глазами их.

Даже Дружок не исключение.

- С чего бы это тебе возражать? - Маш даже головы в сторону брата не повернула.

- Наверняка, это какая-нибудь фигня, - голос Миша был таким тихим, что напоминал шелест кипарисов в сумрачной аллее. - Яйца выеденного не стоит...

- Стоит, - уверила присутствующих Аста. - И вообще... Предупрежден - значит вооружен. Что скажешь, Мари?

Маш и без того вооружена до зубов. Пистолетом *бэнг-бэнг-бэнг*, кинжальной улыбкой, готовой

исполосовать всех, кто не успел зажмуриться. Маш – бесменный командир самолета-истребителя с кучей нарисованных звезд на фюзеляже, разве ей нужен дополнительный боезапас?

По всему выходит, что нужен.

- Валяй, читай.

Аста, казалось, только этого и ждала. Очень медленно она развернула записку, еще раз пробежала ее глазами и набрала в легкие воздуха, как будто собиралась прыгнуть в море со скалы:

- Уверена?...

- Не тяни.

Всему виной ее легкий, едва уловимый эстонский акцент: иногда он почти незаметен, иногда – кажется нарочитым, особенно когда Аста заявляет: «У нас почтьи Эуропа! У нас всё ньемного мягче!»

Вряд ли это относится к людям.

И уж точно не к Асте. Особенно теперь. Теперь она напоминает Белке лучницу, а акцент – всего лишь яркое оперение, призванное не только увеличить скорость и придать необходимую точность полету стрелы, но и отвлечь потенциальные жертвы. Они пребывают в неведении ровно до того мгновения, пока стрела не вонзится прямо в сердце.

- «Жду тебя сегодня в девять вечера, в конце кипарисовой аллеи. Не обращай внимания на Машку, Машка – страшная сука и гадина, но я плевать на нее хотел. Знаю о ней такое, что она и рыпнуться не посмеет. Приходи, очень тебя жду», –

Аста закончила чтение в абсолютной тишине. Такой оглушающей, что было слышно, как в аллее о чем-то шепчутся кипарисы. И что-то подсказывало Белке, что в девять вечера ни один посторонний не сможет вклиниться в их беседу.

- Пять орфографических ошибок, – тоном учительницы младших классов произнесла вероломная эстонская полукровка. – Сколько там у твоего братца по-русскому?...

Нужно отдать должное Маш. Получив пробоину, ее самолет клюнул носом, но тут же выпрямился и нестерпимо засверкал плоскостями на солнце:

- Тебе лучше спросить у него самого. Только вряд ли он тебе об этом скажет.

Взглянув на Миша, Белка подумала, что Маш даже смягчила ситуацию. Еще недавно полыхавшее лицо брата было теперь мертвенно-бледным, словно занесенное снегом. Снег поглотил все – губы, подбородок, светлый пушок под носом и сам нос; остались только незамерзающие полыньи глаз. О, Белка хорошо знает, что такое снег! В ее северном городе он может лежать долгими месяцами, спрессовываясь в пласты, и нужно запастись мужеством и терпением, чтобы пережить его. Вдруг у Миша не хватит терпения? А о мужестве и говорить не приходится, достаточно заглянуть в жалкие полыньи.

Впрочем, не такие уж они жалкие.

Где-то – в самой их глубине – вспыхивают диковатые огоньки. Белка слишком мала, чтобы хоть как-то классифицировать эмоцию, которую они несут, но одно знает точно: ничего хорошего от этих огоньков ждать не приходится.

Снег над городом по имени Миш идет и идет; а Белка убеждает себя, что и в снеге заключена масса приятных вещей. Новый год – раз. Каникулы – два. Санки, лыжи и коньки – три. В белых сумерках приветливо светятся окна домов. В зависимости от того, что за ними происходит, они могут быть желтыми, оранжевыми, как апельсины, нежно-голубыми – там смотрят телевизор. Но в городе по имени Миш никто не смотрит телевизор. Никто не катается на коньках и не съезжает с горы на санках. В нем некому встречать Новый год, а каникулы похожи на все остальные дни – пустые и никчемные.

В городе по имени Миш не светится ни одно окно.

Нет, не так.

Два окна все же имеются – те самые, за которыми горят недобрые сполохи. Даже оказавшись в самом эпицентре метели, поздно ночью, преследуемая стайей голодных волков, Белка ни за что бы не постучала в эти окна. Там, внутри, еще хуже, чем снаружи. Там нет спасения.

Ни для кого.

– ...Ферзь бьет слона, – неожиданно сказал Лазарь. – Шах и мат.

Это не относилось к сцене за обеденным столом (Лазарь просто передвинул крошечную фигурку на крошечной шахматной доске), но прозвучало издевательски. Последнее слово осталось не за Астой, не за Маш, не за заиндевшим Мишем – за чужаком.

– Заткни пасть, – посоветовала Лазарю Маш, нисколько не похожая на слона.

– Шах и мат, – упрямо повторил тот.

– Не стоит принимать все, что говорят, на свой счет, – неожиданно вступилась за Лазаря Аста. – Ты не центр вселенной. Как только поймешь это – жизнь заметно облегчится.

Еще одна стрела, пущенная точно в цель. Кажется, она влетела прямо в рот Маш, иначе чем объяснить, что губы ее стали кроваво-красными? Белка даже испугалась, что кровь вот-вот хлынет – целый поток, бурный и неостановимый. Он сметет на своем пути не только Асту и Миша, но и Шило, и Лёку, и Лазаря, и собаку Дружка.

И крошечные, совершенно беспомощные шахматы.

Почему Белка испытала острую жалость именно к шахматам, а не – к примеру – собаке никакому логическому объяснению не поддавалось. Шахматы – предмет неодушевленный, и в этом они немного похожи на своего хозяина, Лазаря. Все делают вид, что он – пустое место. Ему частенько забывают поставить тарелку, ему достаются самые маленькие сырники, самые жилистые куски мяса и компот без ягод. Но незаметно, чтобы Лазарь особенно страдал. Он безропотно проглатывает и сырники, и мясо, и компот. В отличие от бутуза Гульки он никогда не просит добавки; в отличие от своей сестры Таты он никогда не отказывается от манной каши. Где он проводит дни – никому не известно, но у него есть удивительная способность внезапно вырастать перед глазами: Белка пару раз испытала эту внезапную материализацию

на себе – ощущение не из приятных. И если в первый раз она просто испугалась и вскрикнула, то во второй раз задумалась о природе Лазаревой материализации.

Лазарь похож на паутину, которую обычно плетут кругопряды.

Паутина вырастает перед ничего не подозревающим насекомым совершенно неожиданно. И в тот самый момент, когда уже ничего нельзя изменить, – остается только дергаться в тенетах в ожидании самого худшего. Хорошо еще, что Лазарь – не кругопряд, а Белка – не насекомое.

- Фуу-х! – вскрикивает она при встрече. – Ты меня напугал!..

- Извини, пожалуйста, – обычно отвечает Лазарь. – Я не хотел.

Лазарь – очень вежливый мальчик. Он не похож на одноклассников Белки и на тех ребят, что живут в ее дворе. Отпетые хулиганы, вот кто они такие! А Лазарь – вежливый и тихий. Поначалу Белка думала, что подружится с ним, выгоды от этой дружбы очевидны: она получает готового рыцаря на шахматном коне, а он – избавляется от одиночества, да и ягоды в компоте ему обеспечены. Белка даже робко поинтересовалась шахматами – по ее мнению, это очень интересная, загадочная игра, жаль, что в их семье шахматы не в чести.

Папа и мама предпочитают нарды, иногда они бросают кубики и передвигают шашки целыми вечерами; нарды – лишнее напоминание о Каракумах и Кызылкуме. Для Белки расставание с большими пустынями прошло безболезненно, зато не было дня, чтобы папа и мама не вспоминали о них.

Папа и мама скучают.

- Скучаешь по дому? – спросила как-то Белка у Лазаря.

- Нет.

- Значит, тебе здесь нравится?

- Нет.

- А есть место, которое тебе нравится? Больше всего?

- Нет.

- Ты на все вопросы отвечаешь «нет»?

- Нет.

Белка прыснула, а Лазарь невозмутимо приподнял малютку-фигуру над доской и водрузил ее на соседнюю клетку.

- Научишь меня играть в шахматы?

- Нет.

- Почему?

- Потому что научить играть в шахматы нельзя. Каждый учится сам. Как перс Вазургмиhr.

- И ты научился сам... как этот перс?

- Да.

- Ну и дурак!..

Лазарь никак не отреагировал на оскорбление, лишь дал себе труд снисходительно улыбнуться. Но отныне о дружбе с ним можно было даже не мечтать. А Белкина невысказанная симпатия к чужаку не только улетучилась, но и сменилась на прямо противоположное чувство: неприязнь. Неприязнь была такой же едва уловимой, как и симпатия, она сидела где-то глубоко внутри и старалась лишней раз не высовываться, не слать злорадные ухмылки в окружающее пространство. Лазаря шуганули старшие? - хорошо!.. У Лазаря пропала ладья с доски - очень хорошо!!! Ладья нашлась? - жа-аль!.. Кто-то сунул Лазарю дохлую сколопендру под подушку? - Белка знает, что это сделал Шило, но никогда его не выдаст!..

Впрочем, атаки на Лазаря не назовешь террором, они были единичными и носили спонтанный характер. Не в последнюю очередь потому, что паутинка окончательно слилась с пейзажем. Если в самом начале своего пребывания в доме Парвати Лазарь выглядел инородным телом и легко вычленялся глазами, то теперь... он стал почти прозрачным!

Как паук во время линьки.

Заметить его можно было, лишь сильно напрягая зрение. Иногда Белка специально пялилась на старый колодец в саду, или на расщелину в скале (скалы обрамляли маленькую естественную бухту с галечным пляжем), или на ровные ряды виноградника - рано или поздно, вследствие особого преломления солнечных лучей, на их фоне проявлялся Лазарь с неизменными шахматами.

Интересно, прибегают ли к подобным экспериментам остальные?

К каким-то экспериментам - да, но Лазарь их объектом не является. Маш и Аста слишком заняты ненавистью друг к другу, малоприятная обеденная сцена завершилась и вовсе зловеще:

- Тебе не жить, чухонская дрянь!..

Бэнг-бэнг-бэнг.

Ноябрь. Полина

...- Так когда же все-таки придет Сережа? - спросила Полина.

Лёка поморщился и виновато развел руками - главного-то он и не узнал. Главное так и осталось запертым в углу корпуса мобильного телефона. Или было потеряно на ходу, выпало из дырявой Лёкиной головы. Сколько ему сейчас? Чуть за сорок, но он по-прежнему Лёка, тихий деревенский дурачок, *даунито*. Впрочем, сорок ему не дашь, а... сколько? Ни одного седого волоса не сыщется в Лёкиной шевелюре, морщин тоже немного - разве что у губ залегла горькая складка: все те, кого он любил, к кому был привязан, - мертвы. Это естественный ход событий, сначала не стало Дружка и Саладина (лошадь и собака умерли от старости).

А теперь и Парвати отошла в мир иной.

Она скончалась две недели назад, в самом конце октября, в возрасте восьмидесяти семи лет. Мало кто присутствовал на похоронах, но Сережа выкроил полдня в своем плотном рабочем графике и прилетел проститься с бабушкой. И вот теперь должен прилететь снова – на оглашение завещания. Остальные прибыли сюда по той же причине: завещание будет прочитано в присутствии внуков – такова была последняя воля покойной.

Они не виделись больше двадцати лет. Если быть совсем точной – двадцать два года и два с половиной месяца – с того самого августа. Але – самой младшей, сейчас двадцать пять. Тате – двадцать семь, МашМишу – к сорока, остальные (включая Полину) болтаются в возрастном промежутке между тридцатью и тридцатью пятью.

Полина не узнала Гульку, приняла Тату за Алю; подивилась тому, как мало изменился Лёка и как сильно сдали МашМиш – теперь никто бы не доверил им управление такой быстрой и умной машиной, как военный истребитель.

Шило работает опером в одном из архангельских отделений полиции, его брат Ростик – корабельный механик; Гулька из толстячка превратился в стройного красавца, отдаленно напоминающего всех героев боевиков вместе взятых – они нон-стопом спасают мир от угроз разной этимологии, спят стоя, едят на ходу и в каждом порту имеют по невесте. Или это относится к корабельному механику Ростику? Полина еще не решила.

Ни у кого из ее двоюродных братьев нет на пальце обручальных колец.

Никто из ее двоюродных сестер не вышел замуж. Полина тоже одинока, несмотря на то, что ей недавно исполнилось тридцать три и романов в ее жизни было предостаточно. Было даже одно брачное недоразумение, но ничего даже отдаленно напоминающего чувство, о котором можно сказать впоследствии: то была Любовь.

Полина давно сбросила *белчью* шкурку, но по-прежнему живет в Питере, в старой квартире на Кировском проспекте, которому вернули его прежнее имя – Каменноостровский. Только мамы и папы больше нет.

Они погибли в канун миллениума, в автокатастрофе, в пригороде Стамбула. Об этом по междугородному телефону ей сообщил чей-то чужой голос. За частоклопом произнесенных на плохом английском фраз едва просматривались контуры трагедии, и она в любой момент могла превратиться в драму с открытым финалом. «*Не все потеряно*, – шептала себе Полина в самолете, – они разбились, но живы. Разбиться – еще не значит умереть, миллионы людей восстанавливаются после самых страшных аварий, только бы они были живы, только бы!..»

Папа умер сразу, а мама прожила еще десять часов; ее сердце перестало биться в тот самый момент, когда шасси авиалайнера, на котором летела Полина, коснулись посадочной полосы. Она узнала об этом позже, уже в больнице. Мы сделали все, что могли, сообщил ей врач, но...

Injuries incompatible with life.

Это был и ее собственный диагноз: *жизнь кончена, девочка*. В незнакомой ей стране, в незнакомом городе она оказалась погребенной заживо. Сплошная чернота с короткими сполохами света, отрывочные воспоминания: вот она звонит Парвати с печальной вестью о гибели сына. Вот в холле гостиницы, где она поселилась, ее перехватывают двое мужчин. «Мы от Сергея, – говорят они. – Не волнуйтесь, мы все возьмем на себя».

Кто такой Сергей?

Что нужно взять на себя?

Мужчины мягко поясняют ей, что предстоит транспортировка тел на родину, а также процедуры, связанные с погребением, – вот этими формальностями они и займутся, о расходах она может не беспокоиться. *Да-да, конечно, спасибо, кто такой Сергей?*

Сережа, ну конечно!

- А сам он не смог приехать?

- К сожалению, он очень занят, ведет переговоры в Токио. Но просил передать вам свои соболезнования.

Вместе с соболезнованиями в руки Полины переключиваются несколько визиток: они принадлежат людям, с которыми можно связаться, если возникнут проблемы.

- Проблемы? – Полина плохо понимает, о чем говорят ей эти приятно пахнущие люди в дорогих элегантных костюмах.

- Проблемы любого свойства. Для нас нет ничего неразрешимого.

- Верните мне родителей, – жалобным голосом просит она.

- Боюсь, что тут никто не в состоянии вам помочь... – говорит тот, что постарше, со сломанным носом и подбородком боксера-тяжеловеса.

- А Сергей?

- Увы...

Наверняка они подумали, что Полина не в себе: она сломлена горем и оттого несет всякую чушь. Наверняка они тягостятся возложенной на них миссией, особенно сейчас, когда взрослая девушка, отнюдь не ребенок, повторяет как заведенная:

- Верните мне маму и папу. Верните мне маму и папу. Верните мне маму и папу. Пусть Сережа вернет их.

- Успокой ее, – не выдерживает молодой спутник боксера-тяжеловеса.

- Принеси воды.

Вода не поможет. Пощечина тоже – Боксеру очень хочется привести Полину в чувство именно таким нехитрым способом, но он боится не рассчитать силы. Если бы здесь был Сережа, он нашел бы самые правильные слова, а не эти дурацкие «соболезнуем» и «увы». Или, отказавшись от слов, просто обнял ее, – и ей сразу бы стало легче.

Ей не стало бы легче.

Глупо обманывать себя. Даже Повелитель кузнечиков не в состоянии заменить ей маму и папу, но он мог хотя бы оказаться рядом в тот самый момент, когда особенно нужен ей. Он – а не его деньги, не эти люди.

Последние несколько часов Полина ощущала физическую боль от соприкосновения с реальностью: болит каждый сантиметр ее тела, любое движение дается с трудом. Как будто ее всю – от макушки до пяток – вымочили в солевом растворе, и соль, осев толстой коркой, стянула кожу. До того как спуститься в холл, она сорок минут простояла под душем, но это не помогло. Неуклюжий скафандр из соли не пропускает большинство обычных звуков, но Полина еще в состоянии слышать обращенную к ней речь.

Лучше бы все было наоборот.

Тогда бы она не узнала о травмах, несовместимых с жизнью. И о том, что слова соболезнования Сережа решил начертать на купюрах. Или на чековой книжке, или на кредитке, или... Какие еще формы может принять поддержка близкого родственника?

- Мне нужен Сережа. Позвоните ему.

Боксер принимается заученно бубнить о Токио. И о том, что у него нет полномочий звонить Биг Боссу. Биг Босс – ну надо же!..

- Дайте мне его телефон. Я сама позвоню.

Но и это совершенно исключено, субординацию никто не отменял, за наплевательское к ней отношение одним перебитым носом не отделаешься. Кузнечики, увеличенные до размеров человеческих существ, – вот кто эти двое; дорогие костюмы лишь маскируют их жесткие зеленые надкрылья, зазубрины на лапках и похожие на маленький напильник *органы стрекотания*. Сереже ничего не стоит превратить их в пыль, растворить в восходящих потоках воздуха, – вот они и опасаются.

Просить номер телефона у кузнечиков – самый настоящий идиотизм.

Но они настойчивы. Хотя и ничем не обязаны ей. Кузнечики – существа подневольные. Исполняют то, что приказал им Сережа (или люди, которым приказывает Сережа). Она должна быть им благодарна. А благодарность в ее случае может выражаться лишь в одном: позволить им делать что предписано. Принять помощь, тем более что она действительно в ней нуждается.

Так она и поступила тогда.

А потом еще долго ждала, что Сережа все-таки объявится – сам, не прибегая к посредникам. Если уж он в течение нескольких часов нашел Полину в Стамбуле, то обнаружить в Питере не составит труда. Но ожидание оказалось напрасным – никаких вестей от Сережи больше не было.

Да и остальные родственники никогда не появлялись на горизонте. Маленькая Белка не очень-то задумывалась о взаимоотношениях братьев и сестер в Большой Семье, понятно было лишь одно: они развиваются совсем не так, как должно. Никто особенно не стремится навестить их в Питере, да и к себе не зовут – ни в Петрозаводск, ни в Архангельск, ни в Саранск, ни в Таллин.

- Ты не очень-то дружил со своими братьями и сестрами? – спросила как-то у отца подросшая Полина.

- С чего ты взяла? – после небольшой паузы смущенно ответил тот.

- Ты редко им звонишь. Почти не интересуешься их жизнью...

- Не обязательно надоедать родственникам звонками, чтобы знать, что именно с ними происходит.

- А ты знаешь?

- Ну, конечно. Мама... Твоя бабушка регулярно пишет мне. Я в курсе всех дел.

- Разве писем достаточно?

- Достаточно знать, что все они живы и здоровы. Это уже неплохо по нынешним временам.

«Нынешние времена» относились к девяностым. Сделавшим абсолютно ненужными полевые исследования членистоногих и пресмыкающихся. Лабораторий, в которых работали мама и отец, больше не существовало, их сотрудники разбрелись кто куда и каждый выживал поодиночке. Родители Полины пополнили армию челночников и мотались за товаром то в Турцию, то в Польшу, то в Китай. Одно время папа мечтал открыть сеть ларьков на Троицком рынке, а мама - семейное кафе на Петроградке, фаланги и гремучие змеи не слишком бы ими гордились.

- Расскажи про Самого старшего и Самую младшую.

С этой просьбой Полина подкатывала к отцу не единожды, но всякий раз он оказывался не готов к разговору: *ты еще маленькая, вот повзрослеешь - и тогда... или: это долгая история, как-нибудь в другой раз... или: я не хотел бы обсуждать это сейчас...*

- Ты любил их?

- Мы все любили друг друга.

Голос отца звучит не слишком уверенно, он боится воспоминаний о Самом старшем и Самой младшей, точно так же, как Полина боится воспоминаний о том лете. Об одной смерти и одном исчезновении, - и ситуация кажется зеркальной. И в этом кривом зеркале отражается не большой сильный папа, каким его всегда знала любящая дочь, а кто-то совсем другой.

Маленький мальчик, живущий в большом доме на берегу моря.

А иногда и мальчика не видать, его заменяет крохотная зарубка на дверном косяке, от какой тайны пытался уберечь Полину отец? Как бы то ни было, его больше нет, а тайна по-прежнему существует. И соляная корка, стянувшая кожу в стамбульской больнице, тоже никуда не делась, - она просто стала тоньше и позволяет дышать. Но вдохнуть полной грудью все равно не получается. Интересно, испытывают ли что-то подобное Полинины братья и сестры? Ведь время относительного благополучия миновало безвозвратно: членов Большой Семьи становится все меньше, их настигают смертельные болезни (так случилось с отцом Ростика и Шила), сумасшествие (так случилось с матерью МашМиша, которая доживает свои дни в психушке) и стихийные бедствия (родители Таты погибли в Таиланде во время страшного цунами, а сама она чудом спаслась).

Теперь не стало и Парвати.

По старухе никто особенно не скорбит, за исключением Лёки. Но и радости от встречи после стольких лет разлуки незаметно. Все ныне присутствующие в доме успели обменяться лишь скупой информацией о себе: бывший толстячок Гулька и его сестра Аля связаны с кинематографом. Он - помощник звукооператора, она - начинающая актриса. Вершина ее

карьеры на сегодняшний день – роль второго плана в долгоиграющем телесериале с названием, которое невозможно произнести вслух без улыбки, – то ли «Судьбинушка...», то ли «Кровинушка...», то ли «Рябинушка, на тебя уповаю».

Русское счастье эттеймент – так дразнит Гулька свою сестру.

МашМиш – классические сбитые летчики. В середине девяностых они перебрались в Москву, где Маш предложили контракт в модельном агентстве. Она ушла оттуда через полгода, пробовала себя в качестве теле-, а затем и радиоведущей, но дело так и не пошло. Миш несколько лет прожил в Германии, работал официантом, разносчиком пиццы и кассиром на автозаправке. Затем был Египет, где он подвизался на должности аниматора в отеле, – и снова Москва. За плечами у МашМиша несколько неудачных браков – настолько неудачных, что вот уже несколько лет они живут вместе, в небольшой квартирке в Бибиреве. И ничего менять в своей жизни не собираются. Так во всяком случае утверждает Миш. Маш не очень-то с ним согласна – во всяком случае в том, что касается их нынешнего местожительства. Ей хотелось бы перебраться в центр, поближе к благословенным арбатским переулкам. Задача не такая уж невыполнимая, учитывая место работы Маш – крупное риелторское агентство. Чем занимается Миш, доподлинно неизвестно. Вчера вечером он позиционировал себя как владельца автосалона, сегодня (после косяка с анашой) назвался хедхантером, поставляющим кадры для крупных компаний.

И то и другое вряд ли соответствует действительности. Лишь в одном Полина уверена на сто процентов: Миш несколько не изменился за два прошедших десятилетия, он – лишь тень своей сестры. Тень тени, потому что от прежней Маш мало что осталось. Кинжальная улыбка затупилась и проржавела окончательно, волосы и глаза потеряли прежний блеск.

И Маш выпивает.

Изменения, связанные с употреблением алкоголя, не слишком заметны, более того – выпившая Маш намного симпатичнее, чем трезвая. Она отпускает соленые шуточки, умело провоцирует своих двоюродных братьев и сестер на откровенность, а потом наблюдает, как они мучаются из-за того, что допустили слабинку. Маш – неплохой психолог, *это – часть профессии*, заявляет она. В своей жизни Полина не раз сталкивалась с довольно распространенным человеческим типом, в просторечии именуемым «халда» или «хабалка». Но что-то мешает безоговорочно отнести к нему Маш. Какой-то нюанс, маленький штрих в поведении. Взгляд, который можно поймать лишь случайно, когда бдительность Маш оказывается притупленной изрядной долей виски. Это – взгляд умного и холодного человека, просчитывающего какую-то, только ему известную комбинацию. Настигнутая этим взглядом, Полина снова чувствует себя маленькой девочкой со смешным именем Белка. Она и осталась Белкой, несмотря на свои тридцать три года и довольно успешную журналистскую карьеру. Со страниц глянцевого издания она еженедельно поучает стада доверчивых овец, как им жить, во что одеваться, как выдать дачный заггар за заггар, привезенный с Мальдивских островов. И, конечно же, как поймать в сети олигарха или, на худой конец, замначальника отдела по работе с корпоративными клиентами.

– Ба! – сказала Маш, как только Полина переступила порог старого крымского дома. – К нам пожаловала сама госпожа Кирсанова! Гуру всех офисных сиделиц нашей многострадальной родины.

– Ты забыла кассирш в супермаркетах, – поддакнул сестре Миш. – И бухгалтерш оборонных заводов.

- Они еще существуют? Оборонные заводы? - Маш искренне удивилась, не забыв послать Полине кривую улыбку. - Ты, конечно, прямиком с Бали, детка?
- Я тебя умоляю, Маш, - поморщилась та. - Бали давно не в тренде.
- Ах да. Тренды - наше все! Как насчет Монте-карло?
- Монте-карло актуален всегда...
- ...Но не для таких лишенцев, как твои сермяжные родственнички.
- Я этого не говорила. Вообще-то, я даже поздороваться со всеми не успела. Умерь себя, Маш.
- Надо же! Девочка-то, оказывается, выросла. И теперь диктует нам, как себя вести. Забавно.

Ничего забавного в мизансцене не было. Стоило Полине оказаться в пространстве старой гостиной, как повторилась история двадцатилетней давности: Миш стоит у нее за спиной, Маш облокотилась на лестничные перила. И, если бы не Шило и Ростик, с любопытством взиравшие на вновь прибывшую из глубины комнаты, Полина бы точно расплакалась. Собственно, о том, что это именно Шило и Ростик, она узнала лишь спустя минуту, а пока на нее пялились два рослых парня, чем-то неуловимо похожие друг на друга. Да-да, сходства в них было гораздо больше, чем в двойняшках МашМише.

- Э-э... Ты - Белка! - сказал один из них. Тот, что поприместее и пошире в плечах. - А я? Не узнала?

- Эмм-м... - Полина смущенно почесала переносицу.

- Шило! Твой брательник из Архангельска. А это - еще один брательник. Ростик, иди сюда!..

Какие же они милые, симпатичные ребята! И надежные, судя по всему. У них открытые лица и такие же открытые, немного простодушные улыбки. Подобные улыбки свойственны провинциалам, неожиданно оказавшимся в кругу намного более продвинутых столичных родственников. Подумав об этом, Полина тут же мысленно одернула себя: нужно раз и навсегда покончить со снобистскими штучками, эти два парня - ее двоюродные братья, уже давно определившиеся в жизни и крепко стоящие на земле. Они занимаются самым настоящим мужским делом. И пользы от них наверняка больше, чем от самой Полины и вороха ее бессмысленных статей. И они по-настоящему рады ей, не то что МашМиш.

- Надо чаще встречаться! - заявил Шило, а Ростик согласно закивал головой.

- Да. Упустили уйму времени, - Полине вдруг стало безмерно жаль этих упущенных лет. Часть их была заполнена одиночеством, часть - такими сложными и запутанными отношениями, что после них даже одиночество казалось благом. Простота - вот чего ей всегда не хватало, если понимать под простотой ясность жизненных устремлений. А у архангельских парней с ясностью все обстоит в полном порядке.

- Наверстаем! Вся жизнь впереди, - Стоило только Шилу произнести эту восхитительную в своей банальности фразу, как Маш хмыкнула:

- На твоём месте я бы не обольщалась, Шило.

- Это еще почему?

- Местечко не слишком подходящее для разговоров о будущем.

Полина поежилась. Она еще толком не успела рассмотреть дом, но и одного беглого взгляда достаточно, чтобы понять: лучшие его времена прошли. Возможно, они прошли еще раньше и закат начался несколько десятилетий назад, просто она была слишком мала, чтобы осознать это. Или Маш имеет в виду нечто совсем другое, связанное с тем трагическим летом? Хорошо ее архангельскому брату Шилу - он не мучается рефлексиями. Оттого и стрелы, пущенные Маш, не достигают цели.

- Местечко самое подходящее. Море, воздух, природа опять же. Не знаю, как вы, а я здесь отдыхаю душой. И рад встрече с тобой, Белка.

- Взаимно.

- Моя девушка - твоя большая поклонница. Ни одной статьи не пропускает. Хочет во всем быть похожей на тебя.

- ...и за это он готов ее убить, уж поверь, - снова вклинилась Маш.

- Это еще почему? - Шило даже рот приоткрыл от удивления.

- Потому что эти... статейки... верный путь к разжижению мозгов. С другой стороны, может, нашему доблестному милиционеру как раз такая дама сердца и нужна. Глупая корова со студнем под черепной коробкой.

Пока Шило, хлопая глазами, переваривал сказанное, Маш снова переключилась на Полину:

- Тебе самой нравится то, что ты делаешь?

Ее тошнит от собственной колонки в журнале, содержание которого ничуть не лучше, чем сюжет сериала «Рябинушка, на тебя уповаю». И от трех других колонок в трех других журналах сходной *студенистой* направленности. Но Маш знать об этом вовсе не обязательно.

- То, что я делаю, нравится читателям. А это весомый аргумент, ты не находишь?

- Я нахожу, что ты та еще прохиндейка. А твои работодатели - негодяи.

- Вот как? Ты с ними знакома?

- Кое с кем очень похожим. Из того же медийного отстойника.

- Не ссорьтесь, девочки! - Миш молитвенно сложил руки на груди. - Мы не виделись тысячу лет, так стоит ли начинать встречу со склоки?

- Где я могу расположиться? - холодно сказала Полина.

- Э-э... Там же, где жила в свой последний приезд.

- Мы так решили с самого начала, - добавил Шило. - Каждый будет жить в той комнате, которую занимал в детстве. Если ты не против, конечно. Но если башня тебе не подходит... Есть еще комната... Асты. Она не занята.

- Башня вполне меня устроит. Кто-то еще не успел добраться или я - последняя в списке?

- Ждем Сережу. А так - все в сборе.

Все - это МашМиш, Ростик и Шило. А еще - Аля, Тата и Гулька. И, конечно же, Лёка - местный житель. Если память не изменяет Полине, малыши занимали одну комнату. Но теперь они выросли, и комната наверняка стала тесноватой для троих. Логично предположить, что кандидатом на выбывание оказался Гулька. Или Тата, ведь брат с сестрой могут расположиться в одном пространстве без особых неудобств. Как и две молодые девушки.

- А наши бывшие малыши? - поинтересовалась Полина у Шида. - Так и живут табором в детской?

- Не совсем. Первую ночь Татка провела в Астиной комнате. Но что-то ей там не понравилось.

- Что именно?

- Она не говорит.

- Она идиотка!

Маш, застывшая в кухонном проеме, произнесла это так громко и с таким презрением в голосе, что все вздрогнули и обернулись к ней. Бутылка коньяка в правой руке, низкий бокал в левой, по вискам струится пот, тушь с ресниц осыпалась на щеки. Еще минуту назад с Маш все было в порядке, но теперь... Она пьянеет на глазах.

- Не слушайте ее, - Миш попытался заслонить сестру.

- А ты не затыкай мне рот!

- Наверное, вам лучше подняться к себе, - посоветовал Шило.

- Поганые менты мне не указчики. Я сама знаю, что делать. Я привыкла называть вещи своими именами, и стоять у меня на пути не советую.

- Иначе?

Маш легко отстранила брата, нетвердой походкой подошла к Шилу, сидевшему на нижних ступеньках лестницы, и прислонила к его лбу указательный палец:

- Иначе - *бэнг-бэнг-бэнг!* - хихикнула она.

Шило дернулся и попытался отвести палец Маш, - это вышло неуклюже, как если бы перст судьбы ткнул не в молодого мужчину атлетического телосложения, а в маленького мальчика. На секунду Полине даже показалось, что на ступеньках и сидит восьмилетний Шило, в майке «рябчике», со сбитыми локтями и коленями и царапиной на щеке. Выходит, *бэнг-бэнг-бэнг* пугал не только Белку, есть и другие жертвы! И не только среди людей - гостиная тоже пришла в движение. Поблекшие обои вновь обрели яркость, из вещей ушли дряхлость и тлен, а литографии на стенах чудесным образом очистились - как будто кто-то невидимый стер пыль со стекла. Как будто Маш своим *бэнг-бэнг-бэнг* разбудила дух этого дома и вызвала к жизни прошлое.

Вот только какое именно? Чье?

Наваждение длилось недолго, очнувшись на несколько мгновений, дом снова погрузился в спячку, но теперь Полина была абсолютно уверена: спячка продлится недолго, летаргический

сон подходит к концу.

- Ты напилась, - Шило, вновь ставший взрослым, брезгливо поморщился.
- Что поделаться. Смотреть на этот склеп трезвыми глазами не получается.
- Тогда уезжай.
- И не подумаю. Разве ты забыл, зачем мы здесь? Слетелись, как воронье, делить наследство. Каждый, поди, думает, что ему обломится кусок пожирнее. Понятное дело, старая гримза никого из нас не жаловала, кроме пары любимчиков, но вдруг...
- Не стоит так говорить, Маш...
- Неужели? Кто это печется о памяти покойной? Видимо, тот самый внучок, который навещал ее каждый год. Посылал ей денежные переводы, ежедневно справлялся о здоровье, - Маш крупными глотками влила в себя содержимое бокала и снова наполнила его.
- Она ни в чем не нуждалась. Ты же знаешь. И... за ней было кому присмотреть.
- Простого человеческого участия это не отменяет.

Пьяная или трезвая - Маш права. Обращаясь к Шилу, она обращается и ко всем остальным тоже, ведь он был не одинок в своем нежелании видеть Парвати и ее дом. Ничто не мешало Полине приехать сюда и пять лет назад, и десять, - особенно когда она осталась совсем одна: ее вторая бабушка, мамина мама, умерла за год до того, как в катастрофе погибли родители. И это можно считать благом: она ушла в мир иной в полной уверенности, что тяжелые времена миновали и впереди ее близких ждет только счастье.

- Почему ты не приезжал сюда все эти годы, Шило? - Маш не собиралась отступать, она все мучила и мучала своего кузена неудобными вопросами.
- Ну...
- Море, воздух, опять же - природа. Это же твои слова? Природа здесь будет побогаче, чем у вас в тмутаракани. И море теплее. Крым - это не архангельская губерния, не так ли?
- Как-то не складывался этот чертов Крым. Ты сама знаешь, какие были времена.
- Времена всегда одни и те же.
- Я много работаю, - вздохнул Шило.
- Зашиваешься, судя по разгулу преступности в стране.
- Не без этого.
- Но в Турцию наверняка шастал? В Египет?...

Любительница коньяка явно провоцировала Шило. И он поддался на провокацию и моментально распустил хвост:

- Пфф-ф... Турция и Египет - пройденный этап. Бери выше.

- Неужели наш мальчишечка дорос до Французской Ривьеры?
- Если честно, я предпочитаю Таиланд.
- Вот видишь! - Маш торжествовала. - Бешеной собаке сто верст не крюк. Я только пытаюсь понять, чем Крым хуже Таиланда. Тем, что он *чертов*?
- Что ты имеешь в виду? - Шило настороженно посмотрел на Маш.
- Ты знаешь, *что я имею в виду*. И твой молчальник-брат знает. И гламурная писака, которой тоже не было видно, пока карга не отключилась.

«Гламурная писака», вот как. Давно пора осадить потрепанную жизнью алкоголичку и неудачницу, тем более что Полина всегда умела держать удар. И играючи справлялась со своими недоброжелателями. Но сейчас она не может вымолвить ни слова, лишь зачарованно наблюдает за Маш, за бокалом в ее руке. Странное все же это место - гостиная Парвати, игра света и теней здесь совершенно непредсказуема. Возможно, всему виной ноябрьский дождь: он встретил Полину в аэропорту Симферополя, сопровождал до Ялты и потом - до крошечного поселка, то затихая, то вновь усиливаясь. Таксист, который вез ее сюда, - веселый пожилой татарин - сказал, что таких затяжных дождей он что-то не припомнит. В последние двадцать лет уж точно.

Нужно отступить еще на два шага.

Прибавить два года и два месяца к упомянутым двадцати - и тогда упруешься в еще один ливень. Августовский. За его пеленой скрылись одна смерть и одно исчезновение, и он был таким же нескончаемым, как и тот, что лупит сейчас по кровле, по ступенькам веранды, по кипарисам и яблоням в саду. Или это один и тот же дождь?

В любом случае он не к добру.

Не к добру Маш затеяла этот разговор, жидкость в ее бокале прямо на глазах меняет цвет - от темно-медового до карминно-красного, неужели она выпила весь коньяк и перешла на вино?

Нет.

В руках у Маш все та же коньячная бутылка.

- ...Вы не казали сюда носа, потому что боялись.

- Чего? - Шило вопросительно поднял бровь.

- Воспоминаний о том, что здесь произошло когда-то. Смерть - страшно неудобная штука, нет? - Маш подмигнула всем присутствующим сразу двумя глазами. - Как гвоздь в ботинке. Только и думаешь, как бы поскорее от него избавиться.

- От гвоздя?

- От ботинка. Потому что привыкнуть к такому неудобству невозможно.

- Надо вынуть гвоздь. Или забить его, чтобы не мешал. Всего делов-то.

Это произнес Ростик, еще больший простак, чем его брат Шило. Русоволосый гигант, чья улыбка невольно напомнила Полине улыбку Лёки - рассеянную и невнятную, никому

конкретно не предназначенную.

- Мы окружены идиотами, которые не понимают даже элементарных метафор, - вздохнула Маш.

- Мы - это кто?

Вопрос задала Полина, но Маш даже не повернула головы в ее сторону. Она вообще ни на кого не смотрела, взгляд ее был сфокусирован на бокале с рубиновой жидкостью.

- Те, кто не прячет голову в песок, а предпочитает называть вещи своими именами.

- Мне всегда казалось, что в доме повешенного не принято говорить о веревке.

- Вряд ли это была веревка, - голос, раздавшийся откуда-то с веранды, заставил Полину вздрогнуть и обернуться.

У входной двери стояла миниатюрная, коротко стриженная брюнетка в дождевике. Вода стекала по ее волосам, по лицу, но, судя по всему, брюнетка не испытывала никаких особых неудобств. *Она слишком молода, чтобы испытывать неудобства*, подумала Полина. Молода, хороша собой, о да! - чертовски хороша. По-киношному хороша. Наверное, это и есть Аля. И странно, что, обладая такой внешностью, она до сих пор прозябает на вторых ролях.

- Аля?

- Тата, - улыбнувшись, поправила Полину брюнетка. - Я - Тата.

- Прости. Я тебя не узнала. Какая же ты стала... хорошенькая.

Сказав это, Полина тотчас поняла, что сморозила глупость. «Хорошенькая» звучит явным оскорблением для двух миндалевидных, чуть приподнятых к вискам глаз. Для высоких скул, для нежного подбородка, для смуглых, чуть припухших губ. Но главное - глаза, опущенные таким количеством ресниц, что кажутся черными. Но они не черные - зеленые, и это очень странный зеленый, травяной. Примерно так выглядят свежесорванные листья мяты, а мята несет с собой терпкость и прохладу. Не оттого ли по спине Полины пробегает холодок, а кончики пальцев покалывает, как будто она опустила руку в ледяной горный ручей. Или всему виной произнесенные Татой слова?

- С этого места поподробнее, - Маш хмуро уставилась на Тату. - Что значит «вряд ли это была веревка»?

- Не будет никаких подробностей.

- А играть в экстрасенса не надоело?

- Скажем так, меня это не мучит.

- А меня мучит... Прямо-таки из себя выводит твоя дурацкая манера изъясняться. Если ты знаешь больше, чем все остальные...

- Разве я сказала, что знаю больше?

- Веревка! - снова напомнила Маш. - Зачем ты приплела сюда веревку?

- Это метафора, - Тата явно издевалась над подвыпившей кузиной. - Ты же любишь метафоры, не так ли? Нужно сто раз подумать, прежде чем браться за один конец веревки, - еще неизвестно, что окажется на другом.

- Не делай из меня дуру! Ты говорила не о наличии веревки, а об ее отсутствии...

- Мне нужно переодеться, - Тата тряхнула головой, и сотни брызг разлетелись в разные стороны. - Так что я откланиваюсь.

Можно было остаться здесь, с Шилом, Ростиком и МашМишем, но Тата показалась Полине интересней и загадочней, чем все остальные родственники вместе взятые. Так почему бы не подняться вверх, к истоку ледяного ручья?

- Я, пожалуй, тоже пойду распакую вещи.

- Могу помочь отнести чемодан, - вызвался было Шило, но Полина вовсе не нуждалась в провожатых:

- Он не тяжелый, я справлюсь сама. Увидимся позже.

Подхватив поклажу, Полина в считанные секунды взлетела на второй этаж, попутно удивляясь тому, как сморщилась, скукожилась лестница. Ничего общего с подъемами и спусками двадцатилетней давности - тогда это казалось самым настоящим приключением. Путешествием в мир горных плато - именно так виделись маленькой Белке половицы. Достаточно было внимательно осмотреть каждую из ступенек, перемещая взгляд с востока на запад, с севера на юг. И обязательно на что-нибудь наткнешься: высохший каштан, обрывок табачного листа, пуговица... Вещи, исполненные очарования и вовсе не такие бесполезные, как может показаться скучному взрослому человеку. Каштан - прародитель всех без исключения лесов на свете: лиственных, хвойных, смешанных, тропических и тех, где все еще водится грустная птица додо. Табачный лист легко трансформируется в судовой журнал фрегата «Не тронь меня!», а пуговица... Пуговица - вот главная ценность, без нее не случится ни одно завоевание, ни одно объявление войны, ни один мирный договор; она - печать, которой скрепляются все самые важные документы, стоит утопить ее в теплом сургуче, как тотчас проступит оттиск якоря.

В следующий раз Полина исследует лестницу повнимательнее - хотя бы для того, чтобы доказать самой себе: она не скучная.

Хотя и взрослая.

- ...Белка!

Тата сидела у стены напротив лестницы, сложив ноги по-турецки, и курила. Она так и не сняла дождевик, хотя объявила всем, что собирается переодеться.

- Мы не успели поздороваться там, внизу. Привет, Белка! Ничего, что я так тебя называю?

- Нет.

- Говорят, ты теперь стала знаменитостью.

- Не верь тому, кто говорит.

- Если слух о тебе дошел даже до Архангельска - это слава, поверь, - Тата выпустила изо рта дымное колечко. - Но все равно я рада тебя видеть.

- Взаимно.

- Покуришь со мной?

- Я не курю.

- Ну да. Знаменитости проповедуют здоровый образ жизни, я должна была сообразить... А сидеть на полу им не возбраняется?

- Нет.

- Тогда присаживайся.

Через секунду Полина уже сидела рядом с маленькой брюнеткой, удивляясь сама себе. Она собиралась подняться в башню и немного отдохнуть с дороги, а вместо этого выслушивает подколки дерзкой девчонки. И совсем не обижается на них. И сигаретный дым ее нисколько не раздражает, а ведь она терпеть не может курильщиков и заранее помещает их в седьмой круг ада - туда, где томятся самоубийцы.

- Значит, ты экстрасенс?

- Нет, я иллюстрирую книжки для детей. А еще немного занимаюсь дизайном.

- Здорово!

- Мне тоже нравится.

- А... можно где-нибудь посмотреть твои работы?

- Легко. Набираешь в поисковике «Татьяна Кирсанова - книжный график» и... Черт, ты ведь тоже Кирсанова!

- Да.

Они носят одну и ту же фамилию, ничего удивительного: их отцы были родными братьями и в какой-то мере повторили судьбу друг друга, - их больше нет в живых. И матери последовали за отцами не оглядываясь. Но помнит ли она в подробностях, что случилось здесь? Пять лет - не самый безнадежный для памяти возраст.

- Ты мне ужасно нравилась, Белка, - сказала Тата. - Двадцать лет назад.

- Ты тоже мне нравилась. Ты была необычная девочка.

- Мне хотелось дружить с тобой. Но тогда это было невозможно. Пропать в шесть лет, особенно когда тебе всего лишь пять, не перепрыгнуть.

- Но теперь никакой пропасти не существует, так?

- Наверное. Как ты живешь, Белка?

- По-разному.

- Почему ты не объявлялась?
- А ты?
- Боюсь, наши ответы будут похожими друг на друга.
- Тогда лучше вообще не отвечать.

Мятные глаза Таты улыбаются, и Полина вдруг ощущает покой – тот самый, который она тщетно искала все годы после смерти родителей. И так и не нашла – ни в одних отношениях ни с одним мужчиной, ни в возникающих помимо ее воли мыслях о Сереже. Этот покой нужно немедленно узаконить, присвоить себе, сделать все, чтобы он никуда не исчез!

- Ты по-прежнему...
- Да. По-прежнему в Новгороде, – Тата понимает ее с полуслова. – Хотя училась в Москве...
- Это неправильно.
- Что именно?
- Новгород. Почему бы тебе не перебраться в Питер? С точки зрения возможностей для художника – это лучший вариант, поверь.
- Лучший вариант для художника – Лондон. Или Нью-Йорк. Но приходится признать, что пока мне даже твой Питер не по зубам.

Не по зубам, а ведь зубы у Таты отменные: ровные, ослепительно белые, один к одному. Такие крепкие на вид, что Тата могла – если бы захотела – удерживать ими якорные цепи кораблей. А уж удержать подле себя мужчину – любого мужчину! – не составило бы особого труда, *как ты живешь, Тата?* И найдется ли в твоей жизни местечко для Белки, двоюродной сестры?

- Мы еще поговорим об этом... У нас масса времени впереди.
- Не думаю.

Полина удивлена. Вовсе не такого ответа она ожидала. И непонятно, к чему приложить это многозначительное и туманное «не думаю».

- Ты ведь не собираешься уезжать прямо сейчас, Тата?
- Нет.
- Тогда все в порядке.

Все далеко не в порядке. По телу Таты пробегает дрожь, и поначалу Полина думает, что всему виной недавняя прогулка под ноябрьским дождем. Заляпанные грязью и песком джинсы, насквозь вымокшие мокасины, вода в складках дождевика – так и простудиться недолго!

- Тебе все же нужно переодеться.
- Да, да, – рассеянно отвечает Тата.
- Устроилась в своей старой комнате?

- Пришлось.

Стоит ли начинать дружбу с уловок? Полина в курсе перемещений Таты по дому. Не далее как полчаса назад, Маш сообщила, что Тата выбрала детскую только потому, что ей что-то не понравилось в комнате Асты.

- Почему пришлось?

- Другие варианты мне не подошли.

- Я слышала... что поначалу ты выбрала комнату, где жила Аста.

- Уже донесли?

Тата морщится, как будто ее поймали за чем-то постыдным, и установившаяся между двумя молодыми женщинами связь рушится прямо на глазах. Не стоило Полине затевать разговор о комнате! Но, начав его, она уже не может остановиться.

- Это Маш.

- Маш - стерва, - Тата сосредоточенно сдирает прилипшие к штанинам ракушки. - И всегда была стервой.

- Да. Ничего не изменилось за прошедшие двадцать лет. Мне кажется, что она и приехала для того, чтобы портить всем жизнь.

- Она приехала совсем не по этой причине. Хотя... Почему бы не совместить приятное с полезным?

- И что ты считаешь полезным? В случае Маш, разумеется...

- В случае любого из нас, Белка. Нам всем полезно было бы знать, что произошло здесь двадцать лет назад.

- Мы и так знаем.

- Нет.

Обломок последней, снятой с джинсов ракушки хрустит в пальцах Таты, жестких и сильных. До сих пор Полина не обращала внимание на ее руки, теперь же они кажутся ей непропорционально большими, явно знакомыми с физическим трудом - столяра или каменотеса. Костяшки кое-где сбиты, у основания большого пальца левой руки притаилась глубокая свежая царапина, а еще... Тата не носит ни колец, ни браслетов. О чем это говорит?

Ни о чем.

- У тебя есть какая-то своя версия?

- Нет, - Тата ненадолго задумалась, прежде чем произнести это «нет». - А у тебя?

- Ни одной подходящей. А те, что есть, - малоутешительны.

- А тогда, двадцать лет назад? Они тоже были малоутешительны?

- Тогда я была ребенком.

Тата смеется. Зубы в смуглой щели ее рта вспыхивают один за другим – как театральные софиты, это – самый удивительный смех, который когда-либо слышала Полина. Он совсем беззвучный, так могла бы смеяться кошка. Или актеры немого кино Гарольд Ллойд и Бастер Китон. Впрочем, нет: Бастер Китон был знаменит тем, что никогда не улыбался. Кочевал из фильма в фильм с одним и тем же унылым выражением лица. Голова Полины забита массой ненужных знаний – о физиономии Китона в частности. Кладбище – вот что такое ее голова! Ненужные знания множатся, количество могил, заполненных ими, растет. Время от времени, когда ненужное знание вдруг по каким-то причинам оказывается востребованным, Полина проводит его эксгумацию. И боится лишь одного – раскопать не ту могилу, извлечь не то, на что рассчитывает. А все потому, что в ее кладбище-голове имеются двойные и тройные захоронения, и под вполне безобидными Бастером Китоном/Гарольдом Ллойдом/кошкой могут обнаружиться такие же ненужные воспоминания.

Опасные.

Это не воспоминания о родителях. Не воспоминания о любовниках, с которыми она была особенно счастлива или несчастна. Это воспоминания об одной смерти и одном исчезновении.

Непонятно только, когда они стали *опасными*.

Ведь смерть не была насильственной, а следы исчезновения не были кровавыми. Да и не было никаких следов! Подобные истории случаются с массой людей, в них нет ничего необычного. Необычна лишь реакция на происшедшее – не только Полины, а всех собравшихся здесь:

Страх. Въевшийся в кожу страх и нежелание разговаривать о прошлом. Но не думать о прошлом невозможно.

- Тогда я была ребенком...

- Нет.

- Нет? – растерянно переспросила Полина.

- Ты казалась мне взрослой. Такой взрослой, что до тебя было не дотянуться.

- А-а... Вот ты о чем! Восприятие пятилетней девочки, да?

- Да. Когда тебе пять, мало кто обращает на тебя внимание. Разговаривать с пятилетними детьми не о чем, ломать перед ними комедию и подстраиваться под них не имеет смысла.

- Когда тебе одиннадцать, все происходит по схожему сценарию, поверь. Своих взрослых мы выбираем сами.

Тата пристально взглянула в лицо кузине и даже приоткрыла рот, собираясь что-то сказать. Но особых откровений не последовало:

- Пойду переоденусь.

- В котором часу здесь ужинают?

- Как придется. Старуха умерла, а она была единственной, кто поддерживал порядок.

- Хочешь сказать, никто из вас не готовит?
- Готовит обычно Лёка. Правда, кухня у него такая же, как он сам.
- В смысле?
- Странноватая, но безобидная. Для желудка, я имею в виду. Ладно, еще увидимся.

Тата поднялась и направилась к детской. Но на полдороге остановилась, постояла несколько секунд, будто раздумывая - уйти или остаться. А потом резко развернулась и почти побежала обратно. Так же резко остановившись, маленькая брюнетка распахнула полы дождевика, и на колени к Полине соскользнула маленькая книжица. Поначалу она приняла книжицу за блокнот для кулинарных рецептов: нежно-кремовый фон и яркие цветы на обложке.

- Я нашла это у себя под подушкой. - Дыхание у Таты было тяжелым и порывистым, как после долгого бега по пересеченной местности. - Вчера вечером.

- Блокнот?

- Не совсем. Загляни вовнутрь.

Фотоальбом на три десятка стандартных фотографий размером десять на пятнадцать. Впрочем, снимков в альбоме было гораздо меньше. Всего-то девять.

Тата за гончарным кругом. Она улыбается и смотрит мимо объектива.

Лёка в своей маленькой мастерской. Он что-то вертит в руках и, сосредоточившись на этом «что-то», смотрит мимо объектива.

Бородатый красавчик викинг с огромными наушниками, болтающимися на шее. Прямо над ним навис мохнатый отросток профессионального микрофона.

Маш, снятая через стекло кафе.

Миш, снятый на улице. Он курит сигарету, прислонившись к стене дома.

Шило у теннисного стола - в майке с идиотической надписью: «Плохого человека ГЕНОЙ не назовут!» Русские буквы вступают в явное противоречие с нерусским пейзажем: пальмы, аккуратно постриженные кусты гибискуса, несколько олеандров с кипенно-белыми гроздьями цветов. И бассейн с лежаками и зонтиками на заднем плане.

Ростик. Зимний - в отличие от летнего Шила. Ростик снят на фоне заиндевшего приземистого дебаркадера. Дебаркадер - то ли клуб, то ли ресторан - называется «**ПАРАТОВЪ**». Волосы Ростика, выбивающиеся из-под низко надвинутой на лоб фуражки-капитанки, тоже заиндевели.

Все фотографии сняты на среднем плане, слегка небрежно, иногда - не в фокусе. Но в том, кто является их главными героями, никаких сомнений не возникает. И тревоги тоже - это совершенно обычные снимки. Вряд ли они станут украшением семейного альбома, их место - в братской могиле таких же необязательных малостраничных фотоотчетов на дне нижнего ящика письменного стола.

- Очень мило, - сказала Полина и перевернула страницу.

Этот-то как сюда попал? Лобастый парень в грубом свитере под горло и в джинсах. Поверх свитера идет выцветшая надпись:

POUR BARBARA
LAQUELLE DE CRACHER SUR DU CINÉMA.
EN TOUTE AMITIÉ.
BERNARD ALANE

Парень кажется Полине очень знакомым, хотя это невозможно, немислимо. Открытке (именно открытке, не фотографии) – лет пятьдесят. Она пожелтела от времени, верхний и правый ее края украшены старомодными зубчиками, а нижний и левый – отрезаны: совершенно очевидно, что открытку подгоняли под размер альбома. И делали это второпях – уж очень неровными выглядят линии среза.

- Кто это?

- Там же написано, – Тата пожала плечами. – Бернар Алан.

- Никогда о таком не слыхала.

- Я думаю, он актер. А Барбара... Та, кому подписана открытка, – его поклонница. Барбаре, подружески. Бернар Алан.

- Ты знаешь французский?

- Немного. Но я не знаю, что здесь делает этот парень.

- А все остальные?

- Досмотри альбом до конца.

На следующей странице Полина увидела себя. И снова на среднем плане, вполоборота, без всякой оглядки на объектив. Она тотчас же вспомнила интерьер – московский Дом художника на Крымском Валу, фестиваль независимого кино «Томоггов» (логотип фестиваля тоже попал в кадр). На просмотры Полина ходила одна, без спутников, а статью о самом фесте сдала лишь неделю назад.

Это совсем свежий снимок.

Ему не больше двух недель, воспоминания о коротких вспышках фотокамер в фойе и на этажах еще не стерлись. Но снимали отнюдь не Полину, а организаторов фестиваля, участников и кураторов программ, залетные медийные лица. Кому пришло в голову щелкнуть заодно и ее – случайно или намеренно? И как снимок, сделанный в Москве, попал в Крым?

- Удивлена? – спросила Тата.

- Скажем, хотела бы получить некоторые разъяснения.

- Я тоже была удивлена, когда увидела себя. Я не помню самого факта съемки, хотя память у меня хорошая. Профессиональная.

- Что говорят остальные?

- Ты первая, кому я это показала.

Означает ли это, что Тата доверяет Полине, которую знает полчаса, больше, чем всем другим кузенам и кузинам? Если так, то...

- Ты приехала только сегодня. Следовательно, не могла подбросить мне чертов альбом.

Вот и объяснение. Непонятно только, почему невинные снимки (каково бы ни было их происхождение) вызывают у Таты настороженность, граничащую с паникой. А она именно паникует, хотя и пытается это скрыть. Не слишком умело, иначе давно бы стерла пот с висков.

- Надеюсь, все разъяснится в самое ближайшее время, - Полина ободряюще улыбнулась сестре. - Тем более что в фотографиях нет ничего криминального...

Капель так много, что им уже тесно на висках, - и они устремляются вниз, к подбородку. И образуют там некое подобие запруды, на которой покачивается лодка с высоко задранными носом и кормой - Татина улыбка. Жалкая и саркастическая одновременно.

- Последняя страница.

Тата говорит шепотом, но ощущение такое, что она кричит. И этот до конца не проявленный крик пугает Полину и сбивает с толку. Трясущимися руками она перелистывает еще несколько - пустых - страниц и оказывается лицом к лицу с... мертвой девушкой. В отличие от всех предыдущих, это очень качественный снимок. Никакого расфокуса, глубокие цвета, продуманная композиция. Девушка юна и хороша собой, но красота ее разбивается о темно-бордовую полосу на шее. Это не что иное, как след от удавки.

Девушка была задушена, а потом найдена (возможно - опознана) и теперь лежит на прозекторском столе, укутанная простыней.

Полина не может отвести взгляда от зловещей борозды, ну почему, почему ближе всех к смерти неизвестной красавицы оказалась именно она? Не Тата и не Маш, и даже не Шило, для которого такие снимки не потрясение, а часть ежедневной рутинной работы? Почему все остальные спрятались за джинсами и свитером неведомого ей Бернара Алана, а на randevу с чьей-то смертью выпихнули именно ее? По-дружески. ***En toute amitié.***

- Кто эта девушка?

- Ах да... Ты ведь только приехала и можешь быть не в курсе. Это Аля.

- Аля?

- Родная сестра Гульки. И наша с тобой сестра.

- Маленькая Аля? - до Полины с трудом доходит смысл сказанного Татой. - Разве она...

- В том-то и дело, что она жива. У тебя будет возможность в этом убедиться. И даже поговорить с ней.

- Тогда что означает эта фотография?

- Я не знаю.

- Дурная шутка?

- Или предупреждение об опасности.

- Почему-то отправленное тебе, а не ей?
- Я не знаю.
- А кто-то другой, кроме тебя... Не получал подобных фотографий?
- Я не знаю, не знаю, не знаю!..

Слова тяжело переваливаются через борта лодки с высоким носом и задранной кормой - и ненадолго скрываются из виду, чтобы всплыть где-то возле мочек Полининых ушей. Всему должно быть логическое объяснение, оно отыщется наверняка, если взглянуть на ситуацию непредвзято. Примерно так убеждает себя Полина. Нужно сказать об этом маленькой художнице, но говорить некому. Тата исчезла. Растворилась в чреве дома, оставив после себя мокрые следы.

Август. Белка

- Тебе не жить, чухонская дрянь!..

Бэнг-бэнг-бэнг.

После того как Маш проскрежетала это, Белка зажмурилась в ожидании стука падающего тела. Но стука не последовало. Аста рассмеялась красивым и очень взрослым грудным смехом:

- Куррат! Ты еще глупее, чем я думала!..

Кто-то хлопнул дверью, кто-то уронил стул; кто-то сбежал по ступенькам в сад, задев при этом бессмысленное нагромождение латунных трубочек - «музыку ветра». Кто-то разбил тарелку, кто-то громко и коротко залаял... Лаял, конечно же, Дружок. Но когда Белка открыла глаза, Дружка на веранде не оказалось. Как не оказалось ни Асты, ни МашМиша, ни Лёки. Только Шило изо всех сил раскачивался на стуле и хихикал.

- Здорово они помахались, - заявил Шило. - Никакого кина не надо!
- Иди спать, - Белка вовсе не была настроена обсуждать произошедшее с девятилетним сопляком.
- Как думаешь, она ее уроет?
- Кто - «она»? Кого - «ее»?
- Чухна - куряку.
- Что это еще за куряка?
- Куряка - которая курит. Я сам видел.
- Видел - ну и молчи себе в тряпочку.
- Я и молчу. Так уроет или нет?
- Не говори глупостей, Шило.
- Хорошо бы, чтобы урыла... - в голосе мальчишки послышались мечтательные нотки.

- Никто никого не урлет, - заверила Шило Белка. - И вообще, забудь обо всем, что видел. И никому не рассказывай. Настоящий мужчина именно так бы и поступил. Ты ведь настоящий мужчина?

- А то! - в подтверждение Шило стукнул себя кулаком в грудь и даже перестал раскачиваться на стуле.

- Вот и молодец. Теперь отправляйся спать и...

- А что это ты мне указываешь? Ты не бабка и вообще...

- Я - твоя сестра... Хотя и двоюродная, но сестра, - помолчав, Белка неуверенно добавила: - Старшая.

- Ха! Мы знакомы без году неделя. Тоже мне, сестра выискалась...

Неизвестно, чем бы закончились препирательства, если бы не появившаяся на веранде Парвати. Подозрительно взглянув на обоих внуков, она произнесла:

- Что тут происходит?

- Ничего, - в унисон ответили Шило и Белка.

- Не валяйте дурака. Я слышала шум. Зулейки что-то отчебучили?

«Зулейки» - так Парвати зовет старших внуков. Универсальная кличка иногда настагает и Белку: *поди-ка сюда, зулейка!* Что означает это слово, Белка не знает, но спросить у Парвати не решается и строит собственные предположения. Классическая зулейка почему-то видится ей солисткой «Ленинградского диксиленда», где терзают контрабас и прочие инструменты папины скелеты. Лучше всего у зулейки получается песня «Лаванда, горная лаванда», хотя мелодиями и ритмами зарубежной эстрады она тоже не брезгует. По многочисленным просьбам зрителей зулейка может исполнить кое-что из репертуара остро модных певиц Патрисии Каас и Дезирлес.

Это и называется - отчебучить.

Но «отчебучили» в контексте Маш и Асты звучит слишком легкомысленно, а ведь речь идет о жизни и смерти одной из *зулеек*. Маш - не тот человек, чтобы давать пустые обещания, если уж она сказала «пристрелю», значит пристрелит. В свое время Белку от скорой поездной расправы спасло лишь примерное поведение, но Аста не из тех, кто будет вести себя так, как хочет Маш. Угроза выпущена на волю, ее свинцовое неповоротливое крыло до сих пор висит над верандой; оно то и дело задевает «музыку ветра» - латунные палочки испуганно позвякивают и жмутся друг к другу. Белке тоже хочется к кому-нибудь прижаться. К кому-нибудь очень родному - маме или папе. Парвати для этих целей не годится - слишком уж строга.

- Ну-ка, рассказывай!.. - Одна из многочисленных рук Парвати ухватила Шило за подбородок и крепко сжала его.

- Нечего рассказывать, - заныл Шило. - Это собака. Она... толкнула Миша, а Миш... разбил тарелку. Вот и все.

Зорко оглядев поле боя, Парвати усмехнулась:

- Что-то я не вижу разбитой тарелки. Только стакан.
- Значит, Миш разбил стакан, – Шилу нельзя было отказать в находчивости.
- Врешь! Такой же прохиндей, как и твой папаша, – неизвестно, чего в голосе Парвати было больше – осуждения или одобрения. – Такой же прощелыга. А ты что скажешь?

Вопрос адресовался Белке, и она, секунду поколебавшись, пролепетала:

- Шило не врет.
- Не врал как раз твой отец. Когда был маленьким. Значит, во всем виновата собака?
- Собака, – Белка почувствовала, что краснеет.
- Ладно, поверю на первый раз. Но дважды вы меня не надуете, зарубите это у себя на носу.

После благополучного окончания тягостной сцены Шило был отправлен в постель, а Белка рекрутирована для уборки и мытья посуды. И пока она сносила грязные тарелки на кухню, а потом мыла их в огромном эмалированном тазу, ее не оставляла мысль: правильно ли она поступила, не рассказав о ссоре между старшими девочками Парвати?

Все правильно. Парвати никак не может повлиять на их взаимную ненависть. Она не может приказать им любить друг друга, потому что... сама никого не любит! Белкина вторая бабушка, мамина мама, совсем другое дело. Белка обожает приезжать к ней в Выборг, гулять по окрестностям и слушать самые занимательные разговоры на свете: о чудесных временах, когда Выборг был финским городом, и о спящей форели, и о неспящем ручье, о городских флюгерах и крышах, и о покойном дедушке, которого плохо помнит даже мама. Но это не мешает ему оставаться лучшим мужчиной в мире. Хорошо бы и единственной внучке встретить такого же мужчину, – именно об этом мечтает выборгская бабушка. К Белкиному приезду она готовится основательно: покупает всякие вкусности и чудесности у заезжих финнов, не переставая благодарить небеса и перестройку за то, что доставать вкусности и чудесности в последние годы стало гораздо проще. А раньше за несанкционированные торговые связи с жителями Суоми можно было схлопотать тюремный срок.

«Тюррремный срррок» – вот как это звучит в исполнении выборгской бабушки. При этом бабушка страдальчески морщится и всплескивает руками, а Белка хохочет. В выходные к ним приезжает мама, и тогда они гуляют втроем, а по вечерам играют в лото, подкидного дурака и «Магнитную викторину», и Белка всегда выходит победительницей, – нет ничего лучше каникул в Выборге!

Но в этом году все изменилось. Бабушка попала в больницу с инсультом, мама взяла отпуск за свой счет, чтобы ухаживать за ней, а Белку отправили в Крым, к Парвати.

Сережа появился уже после того, как Аста бросила вызов МашМишу. Сцена за обедом не прошла бесследно, хотя внешне мало что изменилось: море не вышло из берегов, скалы не рухнули в пучину, и ни один камешек не сдвинулся на маленьком пляже. Все так же вызревал виноград, спели огромные бурые помидоры «бычье сердце» и шушукались с ветром болтливые кипарисы. Общее состояние природы можно было назвать безмятежным.

Зато сразу после обеденных разборок куда-то испарился Миш.

Он не вышел к ужину, его стул пустовал за завтраком, и Белка заволновалась: уж не случился

ли с Мишем *бэнг-бэнг-бэнг*? Спросить об этом напрямую у Маш, исправно сидевшей в торце стола, было смерти подобно, и Белка решила начать с менее опасных, на ее взгляд, человеческих особей. Но ни Ростик, ни толстый Гулька, ни вездесущий Шило Миша не видели. Лёка тоже не прояснил ситуацию, он лишь неопределенно улыбнулся и махнул рукой в сторону поселка.

Неужели Миш уехал? А точнее, был изгнан?

Оставался еще один человек, последний в списке (за ним следовали лишь Парвати и Маш). Именно к этому человеку и обратилась Белка. Начала она издалека, да и стояла на почтительном расстоянии от него, все так же покачивающегося в гамаке вместе с «Анжеликой».

- Привет. Хорошая книга?

Аста ответила не сразу и совсем не на тот вопрос, который задала девочка. Вернее, задала свой:

- Как тебя зовут? Я все время забываю.

Белка назвалась, осторожно приблизившись еще на шаг. Вот было бы здорово, если бы Аста придумала для нее новое имя с эстонским акцентом! Но в планы ведьмы из Таллина новые лингвистические эксперименты не входили. А может, все дело в самой Белке – уж слишком она ничтожна, чтобы тратить на нее время и силы.

- Впрочем, неважно, – Аста, сама того не ведая, подтвердила худшие опасения девочки. – Если я до сих пор не запомнила твое имя, значит не так уж важно, как тебя зовут.

- Для кого? – Белка почувствовала легкий укол обиды. – Для кого не важно?

- Для меня, разумеется.

- У меня простое имя.

- Это ничего не меняет.

Аста еще хуже, чем Маш, – неожиданно подумала Белка. Маш жестокая, да, но и прямолинейная тоже. Если ей что-то или кто-то не нравится, она сразу же заявляет об этом. Приподнимается на хвосте и раздувает капюшон, как кобра. Сразу видно, что перед тобой враг, – и ты можешь отступить. Или принять бой. Первый вариант (отступить) выглядит предпочтительнее, так все и делают, Белка не исключение. А Маш... Маш щедро отсыпает время на принятие решения – прямо в ладонь! И только потом приходит черед универсального правила «Кто не спрятался – я не виноват!»

Аста – другая.

Она только кажется паинькой, как то озеро со спокойной с виду водой. А тонуть в нем начинаешь сразу же, без всякого предупреждения. Но прежде чем пустить пузыри, Белка успела-таки пропихнуть сквозь плотно сомкнутые губы:

- Я беспокоюсь о Мише. О... Миккеле.

- С чего бы? – удивилась Аста. – Разве о нем некому побеспокоиться, кроме тебя?

- Он пропал, - продолжала упорствовать Белка.
- Не думаю.
- Как же? Его нигде нет.
- Где-то да есть. Ничтожества никуда не исчезают, и в этом - главная несправедливость жизни.

Не то чтобы Белке так уж нравился Миш, скорее - наоборот. Но сейчас она была на его стороне; пусть эта дурацкая вымороженная эстонка знает, что на свете существуют простые человеческие чувства - сострадание, забота, участие. Все вместе они образуют спасательный круг, в котором поместится не только Миш, но и сама Белка, что вот-вот захлебнется в омуте Астиного равнодушия.

- Он не ничтожество!
- Еще какое, - губы Асты тронула брезгливая улыбка. - Иди лови стрекоз. Собирай ракушки. И не приставай ко взрослым с глупыми расспросами. Это совет.
- А Миш?...

Не удостоив защитницу Миша даже взглядом, Аста снова уткнулась в книгу. Белка же, проигнорировав ракушечно-стрекозиный совет, все стояла возле беседки, переминаясь с ноги на ногу. Не для того, чтобы продолжить разговор, - разговаривать больше было не о чем. Но что-то не отпускало ее, не давало сдвинуться с места.

Ковер.

Наброшенный на гамак родной брат ковров из телеги - той самой, на которой они с МашМиш приехали сюда. Те ковры вызвали у нее чувство тревоги, сразу же впрочем забывшееся. Этот же ни в чем дурном до сих пор замечен не был: так, необязательное дополнение к Асте, Анжелике и тягучему южному полдню. Но сейчас все стало совсем по-другому - ковер вышел из тени, *явил сущность*, гораздо более опасную, чем раздутый капюшон кобры.

Наверное, все дело в рисунках, украшавших ковер: Белка явственно увидела чудовищ, адскую помесь из змей и пауков, и еще кого-то, - от кого не найти спасения. Чудовища тянули к Асте щупальца и мохнатые, усаженные ядовитыми жалами лапы, - неужели она этого не видит? Устроилась в самой сердцевине паучьего гнезда да еще улыбается. Или Аста и чудовища заодно?

Если бы они были заодно - Белке стало бы значительно легче: это ли не подтверждение ее мыслей о бесчеловечности и жестокосердии эстонки? Но щупальца и лапы явно угрожали Асте, еще секунда - и они обовьют стройное тело, вонзят жала в податливую бледную кожу и выпьют из Асты всю кровь! Белка оцепенела от ужаса, зажмурилась и тут же снова открыла глаза - ничего непоправимого не произошло.

Аста все так же покачивалась в гамаке, положив на толстую книгу тонкие пальцы. Она смотрела куда-то вдаль, сквозь Белку, сквозь потемневший от времени огромный двухэтажный дом Парвати - туда, где гипотетически мог находиться Таллин. Или Америка, в которую так мечтают попасть МашМиш. Или какое-то другое место, известное лишь ей одной. Наверное, это было очень хорошее место, потому что Аста улыбалась.

А спустя пару часов улыбнулась и Белка: Миш вернулся!

Он как ни в чем не бывало появился за обеденным столом, занял свое место рядом с сестрой. Правда – не с той стороны: обычно он сидел справа от Маш, ближе к Асте. Теперь Миш переместился влево и стал как будто ниже ростом. И вообще странным образом усох: едва ли не до размеров любой из Лазаревых шахматных фигур. При желании Маш могла бы сунуть его в карман, а Аста – раздавить каблуком; да-да, Аста – единственная из всех, кто носит взрослые, очень высокие каблуки! Куда бы она ни направилась – к беседке с гамаком, к каменистой тропе, что ведет на пляж, – каблуки всегда сопровождают ее. Никаких неудобств при ходьбе по гальке или по мягкой, увитой огуречными плетями земле Аста не испытывает. Не то что Белкина мама, у которой тоже имеется в запасе несколько пар туфель и импортных босоножек на шпильках, танкетке и платформе. Танкетка и платформа еще туда-сюда, но всякий раз, надевая шпильки, мама морщится. Каблуки для нее – мука мученическая, *я в них – как корова на льду, и кто только их придумал, каблуки?* Теперь Белка знает – кто. Кто-то, кто веками ждал, когда появится Аста, и вряд ли это человек. Человеку отпущено не так уж много лет, другое дело – высшие силы, которые его опекают. Высшие силы могут быть хорошими, а могут – так себе, ни рыба ни мясо; а могут – и вовсе отвратительными, беспощадными, сеющими зло.

Ангелы и демоны, вот как они называются.

Мама и папа частенько рассуждают о них за нардами, белого и черного в мире поровну, взять хотя бы такую малость, как шашки на инкрустированной перламутром доске... От этих рассуждений Белке становится грустно, и тогда она вспоминает несчастного туркмена Байрамгельды – добрее не было человека на свете! Демоны к нему и на пушечный выстрел бы не приблизились, зато персональный ангел оказался ленивцем и ротозеем. Прощелкал момент, когда Байрамгельды еще можно было спасти, зазевался, отвлекся на что-то несущественное. Или – наоборот – существенное для него, *тельпек*. Тельпек – огромная меховая папаха, Байрамгельды никогда не расставался с ней, даже в пятидесятиградусную жару. Он был создан для тельпека так же, как Аста создана для каблуков. И если за тельпеком Байрамгельды присматривал недотепа-ангел, то за Астиными каблуками – уж точно демон. Или демоны. Как показывает жизнь, они – намного ответственнее, они держат в поле зрения массу вещей, – следовательно, за Асту можно не волноваться. Чудовища с ковра ничего ей не сделают, на них всегда найдется управа.

Может быть, стоит волноваться за Миша?

Тоже нет.

Пока Белка раздумывала о папахах и каблуках, он перестал быть Мальчиком-с-пальчик и приблизился по размерам к себе вчерашнему. На скуле Миша красуется синяк, и это единственное видимое повреждение. Из не очень видимого можно отметить неприятности с шеей: она как будто лишилась сразу всех позвонков и качается от едва слышного дуновения ветра с моря. А вместе с ней покачивается и голова – самый настоящий воздушный шар. Та часть воздушного шара, где небрежно нарисовано лицо, обращена к Белке и Лёке. И немного – к Шилу и Ростикку. При желании ее могут увидеть Маш, Парвати и все остальные, включая Дружка. И лишь одному человеку никак не добраться до нее взглядом – Асте.

Понаблюдав за головой-шаром чуть дольше, чем следовало бы, Белка делает вывод: легкий морской бриз ни при чем. Не он определяет местоположение лица, что-то совсем другое. И это другое связано с вероломной эстонкой. Если бы ей пришлось в голову поменять свое местоположение за столом и усесться прямо напротив Миша, она все равно увидела бы то, что видит сейчас: заросший затылок.

– ...Передай мне, пожалуйста, соль, Миккель!..

Аста произнесла это как ни в чем не бывало, спокойным ровным голосом. Но на просьбу откликнулся вовсе не Миш, а Лёка. Он пододвинул к Асте солонку, но та даже не притронулась к ней.

- Я попросила Миккеля. Вовсе не тебя.

- Лёке совсем несложно, - простодушно сказал Лёка. Он всегда говорил о себе в третьем лице, что несказанно забавляло Белку.

- Просто хочу, чтобы это сделал Миккель. Ему тоже несложно. Ведь так? - вопрос, обращенный к Мишу, повис в воздухе.

Теперь Белка окончательно поняла, что именно напоминает ей безвольная, бескостная шея Миша - *веревку!*

Ту самую веревку, что держит на привязи голову-шар, не дает ему оторваться от земли. Кроме того, веревка может обвиться вокруг своей оси и повернуть шар на сто восемьдесят градусов. Или даже на триста шестьдесят! А может оборваться, и тогда шар улетит в небеса. И дальше - к затерянным в безвоздушном пространстве звездам, где его не достанет лучница-Аста с ее дурацкой просьбой. Несколько секунд веревочная шея колебалась, не в силах принять решение; Белке даже показалось, что она склоняется к тому, чтобы позволить шару взмыть в небеса. Так бы все и произошло в конечном итоге, если бы не вмешалась Маш. Бестрепетной рукой она схватила злосчастную солонку и швырнула ее содержимое в лицо Асте.

- На! Подавись!..

Не ожидавшая такого выпада эстонка едва успела заслонить лицо ладонями. И тихонько взвизгнула, что совсем не вязалось с ее образом победительницы. И Маш не была бы Маш, если бы не воспользовалась плодами своего триумфа.

- Удовлетворена? Или не совсем? Чего еще желает наша прибалтийская цаца? Перец? Горчицу?...

- Эндшпиль, - не ко времени встрял Лазарь со своим шахматным резюме.

Но Аста уже пришла в себя. Спокойно стерев с рук крупинки соли, она произнесла:

- Я удовлетворена. Все увидели, какая ты идиотка, Мари. Опасная сумасшедшая. О да! Я полностью удовлетворена.

* * *

Лазарь, к чему бы ни относились его слова, оказался неправ: инцидент с солонкой не стал концом боевых действий. Война между Астой и Маш разгорелась с новой силой, а решающее сражение произошло за два дня до приезда Сережи. Главным его трофеем должен был стать юноша по имени Егор: он с компанией друзей гостил на ближайшей к дому Парвати даче. Несколько раз Белка видела его спускающимся по тропинке на пляж: закатанные по икры джинсы, голый торс, неизменный кассетник на плече. Чуть позади следовала его свита: два парня в джинсах похуже, с торсами поплоче и без всяких кассетников.

Откуда-то стало известно, что Егор приехал из Москвы, равноудаленной и от Саранска, и от Таллина. Одного этого было бы достаточно, чтобы им заинтересовалась практичная Маш, но у

Егора имелись и другие преимущества. Узкий серебристый кассетник – раз. И красота – два. Тогда, на тропинке, Белка даже рот разинула от такой завораживающей, прямо-таки анакондовой красоты. Хорошо еще, что Егор не обратил на нее никакого внимания, прошествовал мимо. Как плющом увитый «Losing My Religion» – самой популярной песней того лета. То есть это потом, став старше, Белка узнала, как называется песня. И не только она – все остальные, на время покидавшие кассетник, чтобы ужалить прямо в сердце:

«Joyride»

«Black or White»

«Justify My Love»

«Crazy»

«Wind of Change».

Последняя – «Ветер перемен» знаменитых «Скорпионз» – нравилась Белке больше всего, и именно с ней Егор подкатился к МашМишу, валяющимся на пляже. Но знакомство состоялось не сразу, а лишь после того, как извел на саранскую парочку с десятков мелких камешков. Галька ложилась в опасной близости от Маш, но ни одна не задела ее: Егор оказался стрелком не хуже Асты. Все это время Белка наблюдала за ним из-за выступа на скале, втайне надеясь, что хотя бы один из камешков попадет в цель.

То-то будет весело!

Но веселилась пока только Маш. Через минуту после того, как Егор подсел к ней, Белка услышала смех *опасной сумасшедшей*. Не такой, каким она смеялась обычно, а чем-то неуловимо похожий на Астин.

Маш подражает главной своей ненавистнице! – это открытие поразило девочку. С ним она и направилась домой. Вернее, переползла из одного вражеского стана в другой: там, где под маскировочной гамачной сеткой залегли Аста и начальник ее штаба Анжелика.

Маркиза ангелов.

- Видела его? – без всяких церемоний спросила Белка у Асты, покачивающейся в гамаке.

- Кого?

- Нашего нового соседа.

- Мне нет никакого дела до соседей.

Другого ответа и быть не могло. Дать понять, что разговор закончен, в то время, как он даже и не начинался, – в этом вся Аста. Уж это-то Белка уяснила для себя с прошлого раза. Тогда она отчалила от беседки несолоно хлебавши, но теперь... Теперь она не сдастся!

- И напрасно. Он красивый.

- Кто?

- Наш сосед.

- Это его трудности.

Еще можно было повернуться и уйти. И остаться в собственных глазах благородным человеком, а не какой-нибудь вообразулей-сплетницей. На секунду Белке пришло в голову, что она поступает не очень хорошо, - примерно так же, как главный папин враг по фамилии Муравич. Этот псевдоученый только то и делает, что *плетет интриги, натравливает друг на друга хороших людей, главная вина которых состоит в их неискушенности и простодушии*. Так громогласно заявлял папа на их собственной кухне, и эти разговоры вовсе не предназначались для Белкиных ушей - только для маминых. Но кто виноват в том, что для зычного папиного голоса ни одна стена не преграда?

Никто.

А Маш и Аста виноваты. Они постоянно ссорятся, из-за чего переживают не только Миш, Лёка и Дружок. Но и цветы маттиолы, обильно высаженные вокруг веранды, где происходят главные баталии. Днем маттиола спит, а к вечеру раскрывает свои лепестки, наполняя воздух удивительным ароматом. Так было поначалу, до того, как обе кухни вступили в открытую конфронтацию. Теперь в сладком запахе маттиолы появились новые нотки: как кажется Белке - не очень приятные. Этих ноток еще немного, но с каждым днем становится все больше. Выходит, что маттиола только делает вид, что спит? А на самом деле чутко прислушивается к дневным склокам и реагирует на них по-своему.

Маш и Аста - вот кто несет ответственность за дурное настроение цветов. И к хорошим людям они не имеют никакого отношения. Так что Белка не делает ничего предосудительного, не сплетничает и не плетет интриги. Просто рассказывает своей таллинской сестре о местных новостях. «Losing My Religion» - чем не новость?

- Маш так не считает, - вкрадчивым голосом сказала Белка.

- А при чем здесь Мари?

- Ну... Она с ним уже познакомилась. Если тебя интересует...

- Ни капельки не интересует, - Аста забарабанила по книге кончиками пальцев.

- ...Они сейчас на пляже. Вот. Ладно, я пошла.

С самым независимым видом Белка покинула Астин наблюдательный пункт, но метрах в трех от беседки притормозила. Сделала вид, что заинтересовалась стрекозой-пожарником: та сидела на коряге, отколовшейся от старого сливового дерева. Глядя в огромные стрекозиные глаза, Белка ждала, что Аста вот-вот окликнет ее, потребует продолжения истории. И уж тогда... Тогда будут вывалены все подробности: и о кассетнике, и о закатанных джинсах, и о камешках, которые Егор швырял в Маш.

Сколько она простояла возле коряги?

Несколько минут или дольше?

Ох, не стоило ей играть в гляделки со стрекозой! Не стоило засматриваться на тонкие прозрачные крылья! Когда стрекоза взлетела, кивнув напоследок ярким красным брюшком, а Белка обернулась, - в беседке никого не было. Только покачивался старый гамак. Каким образом Асте удалось проскользнуть мимо, так и осталось загадкой.

Зато в том, куда именно она направилась, никакой загадки не было.

Спустя час Белка нашла Асту на пляже, в некотором отдалении от развеселой компании МашМиша, Егора и двух его спутников. Все пятеро играли в карты, Маш по-прежнему заливалась смехом, но он все меньше и меньше походил на Астин.

Теперь он напоминал короткие приступы кашля, словно Маш пыталась прочистить горло и вытолкнуть изо рта какой-то посторонний предмет. Рыбную косточку или что-то вроде того. И всякий раз эти приступы совпадали с поворотом головы нового приятеля МашМиша.

Егор то и дело оборачивался, чтобы взглянуть на Асту!..

Отсюда, из расщелины в скале, Белке была хорошо видна вся мизансцена, а лучше всех просматривалась сама эстонка. При желании Белка могла бы негромко окликнуть ее, и Аста обязательно бы услышала призыв: расстояние между ними составляло не больше десяти метров. Но раскрывать свое убежище не входило в Белкины планы, она и без того чувствовала себя папиным личным врагом Муравичем, способным на самые низкие поступки, – подслушивание и подглядывание, недалеко ушедшие от плетения интриг.

За такое полагается *бэнг-бэнг-бэнг!*

Отвращение к себе чередовалось с острым любопытством: что-то будет дальше? Пару раз Белка даже порывалась выбраться из укрытия и бежать, не оглядываясь, до самого дома. Но в этом случае она не увидит конец истории, а увидеть его очень хочется. С такими историями никакого кино не надо, никакой Анжелики в потрепанном переплете!.. Попутно Белка восхитилась Астой, сумевшей за короткое время выбрать лучшую из всех возможных экипировку. Раздельный купальник Асты (нежно-голубой, с крупными яркими цветами) не шел ни в какое сравнение с унылым, одноцветным купальником Маш. Точно такие же цветы украшали огромное махровое полотенце: на нем стояла плетеная сумка немислимой, по мнению Белки, красоты.

И очки!

Огромные, вполлица солнцезащитные очки придавали Асте вид надменный и отрешенный одновременно. И – совершенно неотразимый, если учесть легкий газовый платок, затейливо повязанный на голове.

Очередную карточную партию выиграл Егор.

Он не стал дожидаться, кто станет дураком в этот раз, а легко поднялся со своего места. И, спустя несколько секунд, опустился в опасной близости от Асты, на самом краю махрового цветочного поля. Никаких тебе камешков, надо же!..

- Добрый день! – вежливо произнес он.

- Тэрэ, – так же вежливо ответила Аста.

Что еще за «тэрэ»?

- Э-э? – красавчик-сосед смешно сморщил нос, а Аста, снисходительно улыгнувшись, тут же перевела:

- Здравствуйте.

Пока Егор переваривал эту сногшибательную новость, платок с головы таллинской фурии соскользнул, и длинные белые волосы заструились по белым плечам. И в ту же секунду Белка поняла, что Аста выиграла войну. И будет выигрывать все последующие войны, сколько бы их ни было. Все последующие карточные партии. И на туз, с торжеством вываленный Маш, у Асты всегда найдется козырная шестерка. Или даже валет с профилем братца Миша.

Или даже король с профилем красавчика по имени Егор.

Сейчас этот маячивший перед Белкой профиль был покрыт мелкой рябью: Егор о чем-то размышлял.

- Забавный язык.

- Ээсти, - мягко уточнила Аста. - Эстонский. И ничего забавного я в нем не нахожу.

Никогда еще Астин русский не был таким неправильным и таким притягательным одновременно. Аста выдает себя за крутую иностранку, ну и пройдоха!

- Я... неправильно выразился. Я хотел сказать, что это необычный и красивый язык. Значит, вы эстонка?

- Вы что-то имеете против?

- Нет-нет, - испугался Егор. - Я нахожу, что это здорово!

Далее последовал ничего не значащий, но исполненный тайного смысла диалог, в ходе которого выяснилось, что Москва - чудесный город, и Егор непременно хотел бы показать его Асте. А город Таллин - хорош сам по себе и вовсе не горит желанием продемонстрировать себя первому встречному москвичу. И вообще, Эстония - «почти Эуропа! У нас всё ньемного мягче!» Здесь, в Крыму, тоже есть на что посмотреть: горы, море и все такое. А еще можно съездить в Ялту и погулять по набережной, съесть мороженое и сходить в кино, *вы не против составить мне компанию, Аста?*

- У меня есть мотоцикл. Прокатимся до Ялты на мотоцикле?

- Я подумаю над вашим предложением.

Длинные ноги Асты сомкнулись и на короткое время вдруг перестали быть ногами: Белка вдруг увидела перед собой самый настоящий русалочий хвост. Хвост сверкал на солнце, ослепляя Егора; коротко бил по гальке, оглушая его, - ничем иным нельзя было объяснить то, что Егор никак не реагировал на призывы, несущиеся с противоположной стороны пляжа.

- Кажется, вас зовут, - мягко заметила Аста.

- Не обращайтесь внимания.

- Вы заставляете своих друзей ждать. Это нехорошо.

- Пустяки. Подождут.

- Возвращайтесь. В любом случае, мне пора.

- Уже уходите? - Егор не мог скрыть своего разочарования. - Вы же недавно пришли...
- Длительное пребывание на солнце мне противопоказано, увы.
- Я... Я провожу вас, если вы не против!

В мгновение ока русалочий хвост снова распался на две, невыносимой длины, ноги. Так ничего и не ответив, Аста поднялась. Сложила полотенце, набросила на плечи газовый платок, волшебным образом трансформировавшийся в шарф, подхватила сумку и направилась к тропинке. А Егор так и остался сидеть на прежнем месте - в полной растерянности.

Неужели конец истории?

Никакой не конец!

Это стало ясно, когда Аста прошествовала мимо Белки, едва успевшей вжаться в скалу. Ее шарф изящно и ненавязчиво соскользнул с плеч и спланировал на гальку. Русалка-оборотень даже не заметила потери, что было неудивительно: слишком легка ткань, слишком воздушна. Но и недооценивать ее удельный вес не стоило: из второстепенного персонажа шарф превратился в главное действующее лицо. Белка поняла это в тот самый момент, когда Егор бросился к нему, поднял, зачем-то поднес к подбородку и быстрым шагом затрусил наверх - догонять Асту.

Некоторое время до Белки доносился лишь плеск моря и короткие обрывки музыкальных композиций из кассетника. Затем «Ветер перемен» приблизился, заскрипела галька: перед Белкиными глазами мелькнули невнятные фигуры приятелей Егора и его кассетник. Мелькнули - и исчезли. Сама же Белка не торопилась покинуть расщелину: столкнуться нос к носу с МашМишем вовсе не входило в ее планы. Даже ей, одиннадцатилетней девчонке, было понятно, что произошедшее вряд ли пришлось по вкусу Маш.

Маш раздавлена, унижена, оскорблена.

Вот если бы Егор вернулся к пляжной компании - хотя бы ненадолго, хотя бы попрощаться и сослаться на какие-нибудь неотложные дела! Но и это ничего бы не изменило, разве что Маш оказалась бы просто униженной и оскорбленной.

А Егор не вернулся.

Он и думать забыл не только о каких-то там МашМише, но и о своих друзьях, и - что самое важное! - о кассетнике. Он, как цуцик, побежал за Астой, а это равносильно тому, что Маш раздавили. Сбросили на нее мотоцикл, Москву с Ялтой и тонну мороженого. Но все это не достанется раздавленной Маш, а достанется ее главной врагине - эстонской русалке-оборотню.

Маш проиграла.

И свою лепту в поражение внес не кто иной, как Белка. Это она рассказала Асте о новом соседе, это она намекнула, что Егор пасется вокруг стоящего на пляжном приколе истребителя «МашМиш», - одним *бэнг-бэнг-бэнг* здесь не отделаешься. Маш точно убьет ее, если обо всем узнает.

- Я убью ее!..

Раздавшийся как гром среди ясного неба голос Маш заставил Белку вздрогнуть и закрыть лицо

руками. Хорошо еще, что она не закричала и не обнаружила себя. Хорошо, что здесь, в расщелине, царит темнота, и вряд ли кому-то придет в голову заглянуть в эту темноту. Особенно если стоишь на солнце, как стоит сейчас МашМиш. Маш – налегке, в одном купальнике. А Миш – навьюченный сумками, с подстилкой через плечо. Подстилка (кусочек плотной ткани) выжужена из запасов Парвати и называется «баракан».

- Я убью ее, – с плохо скрываемой яростью повторила Маш, и Белка поежилась.

- Хорошая шутка, – откликнулся Миш.

- Я не шучу. Я убью эту тварь.

- Не кипятись.

- Я совершенно спокойна.

- Я вижу.

- Ты со мной или нет?

Вопрос застал Миша врасплох. Он надвинул на глаза белую матерчатую панаму с надписью «Ессентуки», затем сбил ее на затылок и вздохнул:

- Ты это серьезно?

- Более чем. Ты со мной?

- Ты же знаешь...

- Ничего я не знаю. Наверное, ты знаешь больше. О ней и обо мне тоже. Как это – «Машка страшная сука и гадина»? Да... Миккель?

Лицо Миша осветила страдальческая улыбка:

- Пожалуйста, не надо... Мы же во всем разобрались. И ты обещала... Обещала забыть об этом.

- Это оказалось труднее, чем я думала.

- Прости меня...

Миш ухватился за голый локоть сестры с такой силой, что костяшки его пальцев побелели. Маш поморщилась, но локоть не убрала.

- Сколько можно? Ты меня уже задрал своими извинениями. Они ничего не стоят.

- А что стоит?

- Она сука. Повтори.

- Сука, – послушно повторил Миш.

- Ничтожная тварь.

- Э-э... Ничтожная тварь.

- Таким тварям не место на земле.
- Не место.
- Хочу, чтобы она сдохла!
- Ты... хочешь?
- Я - само собой. А ты разве нет?
- Ну...
- Разве она недостаточно тебя унизила? Ткнула носом в дерьмо? Не будь тряпкой, Миккель!
- Перестань так меня называть! - впервые в голосе Миша появились злые нотки.
- Тебе же это нравилось. И она тебе нравилась.
- Больше не нравится.
- И это все? Не разочаровывай меня, братишка.

Миш приоткрыл рот, как будто ему не хватало воздуха. Взгляд его сфокусировался на плотно сжатых губах Маш в ожидании подсказки. Но Маш молчала, всем своим видом показывая: выкручивайся сам, соображай быстрее и не дай тебе бог не сообразить!

- Я ее ненавижу.

Маш дернула себя за мочку уха и засмеялась. И снова смех оказался похож на приступ кашля, вызванный присутствием в горле инородного тела. Но теперь Белка точно знала, что за инородное тело, что за рыба кость застряла в трахее саранской кухни и мешает дышать. Мешает жить.

Аста.

- Значит, ты со мной, - подытожила Маш.
- Да, - теперь уже Миш не колебался ни секунды. - Ей не жить.
- Пусть сдохнет.
- Пусть.
- Сдохнет, сдохнет, сдохнет.
- Да!

Они повторяли это «сдохнет» на разные лады и никак не могли остановиться. От страха Белка съежилась и закрыла лицо руками. Сердце ее готово было выпрыгнуть из груди и стучало так сильно, что впору было удивиться: почему МашМиш не слышат этого грохота? Наверное, слишком заняты навешиванием бомб на свой истребитель. Или на истребитель нельзя навесить бомбы? Но тогда как уничтожить Асту?...

- Утопим ее? - поинтересовался Миш.

- Очень остроумно.
- Столкнем с обрыва?
- Как ты себе это представляешь? Снова напишешь ей записку? «Приходи к обрыву в 21.00. Ждем тебя с нетерпением»? Не будь дураком.
- А что предлагаешь ты?
- Разрезать ее на кусочки и скормить Лёкиной дворняге, - Маш коротко хмыкнула.
- Ты это серьезно?
- Да. Нет. Я не знаю. Просто хочу, чтобы она сдохла. Испарилась. Исчезла, как будто ее и не было никогда.

Белка перевела дух. Если до сих пор происходящее казалось ей сплошным кошмаром, то теперь в кошмаре появился просвет. Все проклятья, щедро высыпанные на голову Асты, оказались пустым сотрясением воздуха. Бессмысленным лаем, которым время от времени радуется округу пустобрех Дружок. Маш ничего не сможет сделать с Астой, бомбы истребителю противопоказаны, а любая пуля, посланная в молоко Астиного тела, там же и потеряется. Или запутается в долгих белых волосах.

- Давай уедем, - неожиданно предложил Миш.
- И оставим эту суку торжествовать? Нет уж. Я что-нибудь придумаю. Главное, чтобы ты не струсил в самый последний момент. Ты ведь не струсил?
- Нет.

...МашМиш давно покинули бухту, а Белка все еще сидела в своем укрытии, боясь выйти на свет. Что, если Асте и впрямь угрожает опасность? Нужно немедленно предупредить ее, вот только... Станет ли она слушать? Не высмеет ли так, как высмеяла Миша? Конечно, она может сделать вид, что не придала словам одиннадцатилетней соплячки никакого значения, а потом вывалит этот подслушанный разговор на всеобщее обозрение во время обеда. МашМиш снова окажутся в дураках, а сама Белка... Сама Белка окажется еще большей душой. И - что самое ужасное - кровным врагом двойняшек. Двойняшки - почти взрослые, а Белка - маленькая, как самый распоследний паучок-гелиофанус, ее никто не защитит. Ни вечно занятая многорукая Парвати, ни шахматные короли Лазаря, ни Лёкин пес Дружок. Что уж говорить об Асте, которая даже не дала себе труд узнать, как зовут ее ленинградскую сестренку. Да еще посоветовала ей отправиться куда подальше - за ракушками и стрекозами.

Пусть выпутывается сама!

Придя к такому выводу, Белка почувствовала облегчение. А выбравшись из расщелины, успокоилась окончательно. Волны едва слышно накатывались на берег, на небе не было ни облачка, где-то в зените кричали окружившие солнце чайки. В этом почти идеальном мире не было места кровожадному «сдохнет», совсем напротив - все говорило о долгой и счастливой жизни, где дни и недели не имеют никакого значения. Точно так же, как не имеет никакого значения злопахательство МашМиша. Нужно поскорее забыть все услышанное!

Белка очень-очень постарается - и забудет.

- ...Фуу! Опять ты!

Она увидела Лазаря в самый последний момент и едва не споткнулась о его ноги, обутые в старые стоптанные сандалии. Лазарь сидел, привалившись к большому валуну, за которым начиналась тропинка, ведущая к домам.

- Опять я, - подтвердил Лазарь и переставил фигурку на шахматной доске.

- Давно сидишь?

- Не очень.

- Я искала МашМиша, - зачем-то соврала Белка. - Ты их не видел?

- Нет.

Лгунишка! Если он пришел недавно, то не мог не столкнуться с ними - здесь или на тропе, другой дороги от дома к бухте нет. Во всяком случае, альтернативные подъемы и спуски Белке неизвестны. Может, они известны Лазарю?

- Ты ведь пришел сюда как обычно?

- Как обычно? - Лазарь приподнял выцветшую бровь.

- По тропинке?

- Да.

- И никого-никого не заметил?

- Ты уже спрашивала.

Вранье Лазаря показалось Белке совершенно бессмысленным. С другой стороны, он и впрямь мог не обратить внимания на парочку - слишком уж занят своими шахматами. Несколько секунд Белка раздумывала, рассказать ли верному последователю Вазургмихра о коварных планах двойняшек, а потом решила - не стоит. Лазарю нет никакого дела до свалившихся с неба и не слишком дружелюбных родственников. И не только Лазарю.

Здесь - в кипарисовом раю - каждый сам за себя.

Ноябрь. Полина

В комнате, которую она занимала двадцать лет назад, мало что изменилось: та же ниша в стене, забитая книгами и лоциями. То же кресло с продавленным сиденьем, тот же корабельный фонарь - никто так и не додумался протянуть сюда проводку. Кушетка, где она провела столько ночей, оказалась застеленной ковром: возможно, тем самым, что лежал в беседке. В наступивших сумерках рисунка на нем было не разглядеть, но Полина не торопилась включать фонарь; она подошла к окну и дернула ручку на раме. Рама поддалась не сразу (деревянные плашки разбухли от влаги), но когда распахнулась - шкиперскую (так называлась комната) заполнил холодный воздух. Все было на месте - кипарисовая аллея, сад со старым колодцем, выложенная плиткой тропинка. Все на месте - и все в беспорядке, как будто пальцы властной руки, столько лет собиравшей воедино все детали пейзажа, разжались. Вот и наступил хаос.

Он пока невидим, но уже ощутим.

Достаточно приглядеться к растрепанным кипарисам; к колодцу – его основание, некогда монолитное, выглядит теперь непрезентабельной грудой камней. Калитку в самом конце кипарисовой аллеи повело, и на смену идеальному железному прямоугольнику пришла совсем другая фигура, отдаленно напоминающая ромб. Алычу, сливы и персики давно никто не подрезал, и ветки свисают едва ли не до земли. Да и сами деревья скрючились, они похожи на стариков.

Они и есть старики.

А дождь лупит по ним с молодой яростью.

Где-то вдалеке сверкнула молния и сразу же раздался громовой раскат – такой сильный, что Полина невольно вздрогнула. Ей захотелось уйти отсюда – из этой комнаты, из этого дома. Где-то глубоко внутри заворчалось нехорошее предчувствие: *добра от этого дома не жди*. Он еще проявит себя, да так, что мало не покажется никому.

Впрочем, она тут же устыдилась своих страхов. Все они связаны с одним-единственным летом из детства, но с тех пор Полина выросла. Она многое пережила, потеряла самых близких людей – все самое страшное произошло, чего же еще можно бояться?

– Ничего, – произнесла она вслух. – Ни-че-го!

Дождь залепетал сильнее, и неясно было, хочет ли он поддержать Полину или, наоборот, возразить ей. Да и сама шкиперская наполнилась неясными шорохами. Как тогда, в детстве, перед сном, когда раковины, живущие в известняке, нашептывали ей свои истории. Да вот же они, ее старые друзья, – крошка-аммонит, пестрая двустворка и похожая на стрекозиное брюшко теребра! Полина нежно погладила их пальцами, а потом прижалась щекой к аммониту: *вот ты и вернулась, Белка! Мы так ждали тебя, здесь столько всего произошло в твое отсутствие!*

– Вот ты и вернулась, Белка! – сказала она сама себе. – И никуда не уедешь до тех пор...

До тех пор, пока не увидишь Сережу, но теребре и пестрой двустворке знать об этом необязательно. Об этом необязательно знать Тате, МашМишу и братьям из Архангельска. Полина могла врать самой себе относительно визита в старый дом Парвати. Но Белка уж точно врать не станет: она здесь только потому, что сюда должен приехать Сережа.

Другой причины нет.

Все эти годы она вела с ним непрекращающийся разговор; иногда – показательно забывала, демонстративно отворачивалась от памяти о нем. Но Сережа рано или поздно выныривал из глубин, отфыркиваясь, как тюлень. Хотя сущность у него никакая не тюленья – дельфинья. Дельфины – добрые, они приходят на помощь, когда уже не ждешь спасения, – разве это не их с Сережей история? Так было в Стамбуле, после смерти родителей. Так было с работой в одном довольно влиятельном журнале: Полина получила ее в тот самый момент, когда перед ней замаячил призрак нищеты. Звонок из журнала был настолько нереален, что она поначалу приняла его за розыгрыш. Еще бы! Оказаться в штате мечтали гораздо более опытные и талантливые журналисты. А у Полины за душой не было ничего: ни связей, ни стажа, ни вменяемого резюме. И все же ее взяли, и лишь спустя несколько лет выяснилась причина ее стремительного карьерного взлета – Сережа.

Журнал-в-который-все-мечтают-попасть был одним из непрофильных активов его старшего компаньона. Так что достаточно было одного звонка, чтобы судьба начинающего корреспондента Полины Кирсановой была решена. Но даже тогда Сережа не позвонил ей. Не написал электронного письма, не сбросил эсэмэс. Полина по привычке обиделась на него задним числом и заново его позабыла. Не очень надолго, потому что, как ни забывай о Сереже, он все равно напомнит о себе. Небольшой заметкой в специализированном, посвященном компьютерам журнале. Бегущей строкой о курсе акций, бегущей строкой о слиянии и поглощении (поглощает, как правило, Сережа), бегущей строкой о благотворительных марафонах (компания Сережи славится своей благотворительностью). Несмотря на частоту упоминаний в прессе, биографические данные о нем крайне скупы. Упоминается лишь год рождения, учеба в Европе, стажировка в Гонконге и Токио, после чего сразу же следует довольно длинный список организованных им холдингов и трастов. Ни слова о личной жизни, ни намек на романы с фотомоделями, актрисами или популярными певицами. И еще – Сережа не любит фотографироваться. Пара-тройка смазанных снимков – вот и все, что выдает Интернет. И везде он снят в компании безупречно одетых мужчин (их количество варьируется от двух до пяти); на среднем плане, как... как сама Полина. Как все остальные из Татиного альбома!

После бегства художницы альбом остался у Полины. И бросить его на полу в коридоре она не решилась, вот и принесла в шкиперскую вместе с остальными вещами. А принесся, тотчас пожалела об этом. Альбом вызывал смутное беспокойство, а вкупе с разгулявшейся за окнами природой – едва ли не панику. Наверное, нечто подобное испытывала и Тата, оттого и избавилась от фотографий.

Впрочем, Полина тоже может избавиться.

Засунуть его в нишу между книгами – легче легкого. Подбросить в ванную, где рано или поздно материализуется любой из нынешних постояльцев дома, – не вопрос. Вот только тревога никуда не денется – по крайней мере, до тех пор, пока Полина находится здесь. Или пока... не приехал Сережа! Она и раньше возлагала большие надежды на этот приезд, но теперь он кажется ей самым настоящим спасением. У Сережи достаточно сил, чтобы защитить ее, чтобы...

Она слишком далеко зашла. С какой радости Сереже защищать ее? Они не виделись больше двадцати лет, а детские воспоминания – слишком ненадежная вещь, чтобы, основываясь на них, просчитать стратегию и тактику его нынешней жизни. Сережа никогда не был ее парнем, всего лишь двоюродным братом. Весьма сомнительное родство, отталкивающее его носителей куда-то на периферию сознания – туда, где находятся вещи, о которых легко забывают, а вспоминают с большим трудом. Чтобы добраться до двоюродных братьев, вечно приходится расчищать завалы из любовников, близких друзей, домашних любимцев (кошек или собак), просто любимцев (сумки фирмы «Бимба и Лола»), приятелей, коллег по работе и официантов из соседнего бара. Да-да, официанты из соседнего бара, которых ты не знаешь по именам, занимают твое воображение больше, чем абстрактные двоюродные братья.

Сережа – исключение из правил. Меньше всего Полине хотелось бы видеть его официантом, коллегой по работе, сумкой фирмы «Бимба и Лола». Меньше всего ей хотелось бы видеть его домашним любимцем: Полина никогда не решилась бы завести собаку или кошку – из-за недостатка времени и постоянных разъездов. Сережа – близкий друг? Но близкая дружба предполагает частые встречи или хотя бы разговоры по телефону после полуночи, письма, телеграммы с пометкой «Срочная» и ободряющим содержанием, что-то вроде – **«Нынче ветрено и волны с перехлестом...»**

Надо бы добраться до моря – может, оно успокоит ее?

Но лучше отложить свидание с ним до завтра. А сегодня ей предстоит свидание с теми, кого она еще не успела увидеть. Гулькой и Алей. Впрочем, Алю она уже видела.

Тата, Лёка, бородатый викинг, МашМиш, Шило и Ростик.

Вытащенные из альбома и вытянутые в линию, фотографии лежали теперь перед Полиной. Очевидно, что сделаны они были в разное время, в совершенно разных местах и с разных точек (возможно даже – разными фотоаппаратами). Но в снимках имелось и что-то общее, помимо среднего плана и неучастия героев в процессе съемки. Это что-то постоянно ускользало от Полины и исчезало совсем, стоило лишь переставить их, расположить в другом порядке. Окончательно запутавшись, она достала еще две фотографии – Алана Бернара и себя самой. А фото из прозекторской так и осталось в альбоме: вновь встречаться глазами со страшной полосой Полине не хотелось категорически.

Что делает здесь фотография актера?

Он – не родственник никому из Большой Семьи, но его присутствие здесь наверняка несет тайный смысл. И в чем смысл самой последней фотографии в альбоме? Ведь Аля жива, и Полина совсем скоро познакомится с ней. И с ее братом Гулькой – викинг в наушниках, судя по всему, он и есть.

Нет только Сережи, и это огорчает. Но и обнадеживает одновременно. Кто бы ни стоял за дурацкой шуткой с фотографиями, до Сережи ему добраться не удалось. А это значит, что шутник не всесилен. И ему можно противостоять. И – при известном напряжении сил – вывести на чистую воду. Нужно только дождаться Сережу и все ему рассказать. Вдвоем они обязательно что-нибудь придумают, обязательно!.. Но пока Повелитель кузнечиков не приехал – что ей все-таки делать с проклятым альбомом? Наверное, правильнее было бы вернуть его той, к кому он попал изначально.

Тате.

Прежде чем опустить фотографическую коллекцию в сумку, Полина – сама не зная почему – заглянула под лежащую на кушетке подушку. Эту подушку, как и три других, прислоненных теперь к стене, она помнила еще со времен последнего приезда в дом Парвати: две совсем маленькие и две побольше. Они были призваны создавать уют, как его понимала бабушка. Вышитые гладью наволочки – с восточным узором, с розовыми бутонами, с головой оленя и с двумя веселыми котятками, играющими в карты. Яркие когда-то краски поблекли, нитки кое-где разошлись, но котятка по-прежнему улыбались и подмигивали: *не бойся, Белка, загляни к нам, вдруг тебя ожидает сюрприз?*

Поначалу она ничего не заметила и даже успела вздохнуть с облегчением. И лишь в самый последний момент увидела маленькую – размером с ладонь – плоскую жестянку. В таких обычно хранят табак, леденцы или почтовые марки. Жестянка оказалась почти невесомой, так что вариант с леденцами (а заодно с монетами, значками, пулями дум-дум) отпадает. Что тогда? – Полина терялась в догадках. К тому же никаких опознавательных знаков на жестянке не было. Как не было ничего такого, что могло бы пролить свет на содержимое.

Открой! – подмигивали котятка.

Открой! – качал ветвистыми рогами олень.

Она все еще колебалась; суеверный страх увидеть то, что навсегда изменит жизнь, неожиданно овладел ей. Но в конце концов детское любопытство взяло верх. Да и что там может быть страшного? – мертвое тело в жестянку не поместится, фотоотчет из прожекторской – тоже. Так подумала Полина – и ошиблась. Едва открыв крышку, она столкнулась со смертью, пусть и кардинально уменьшенной в размерах и почти бутафорской.

В жестянке лежал высохший трупик стрекозы.

* * *

...Спустившись вниз, в гостиную, Полина наконец-то увидела еще двоих, недостающих, членов семейства – бородатого Никиту и Алю. Высокие, стройные, без единого изъяна в лицах и одежде – брат и сестра издали показались ей едва ли не полубогами, сошедшими с греческого фриза. Но стоило приблизиться к ним, как очарование слегка потускнело. Наверное, все дело в едва уловимой гримасе, подпортившей идеальные черты обоих: смесь презрения и легкой брезгливости, – но разве не так относятся полубоги к простым смертным?

Простые смертные находились тут же: Лёка расставлял тарелки на столе, Ростик и Шило возились с камином, который никак не хотел разгораться, Маш сидела в кресле с уже привычным бокалом в руках, а Миш маячил у нее за спиной. Не хватало только Таты.

Появление питерской кузины немного подкорректировало физиономии полубогов: на кукольное личико Али взбежала улыбка, которую можно было даже назвать дружелюбной.

– Вот и ты! – сказала она, стремительно двинувшись в сторону Полины и раскрыв объятья. – Я рада. Давно слежу за твоими публикациями.

Стоило начинающей актрисе произнести это, как Маш захохотала.

– Ну надо же! Хоть кто-то удостоился благосклонности нашей местечковой Мэрилин!

– Заткнись, – поморщившись, бросила Аля на ходу.

Ее жеманный поцелуй застыл в сантиметре от Полининой щеки – сначала одной, потом другой. *Очень по-европейски*, отметила про себя Полина, никаких троекратных русских лобызаний. *Очень по-европейски*, очень по-светски на лицо Али наложен безупречный макияж, брючный костюм безупречно сидит на безупречной фигуре, она – не что иное, как целевая аудитория госпожи Кирсановой. Для таких, как Аля, кропает она свои глянцевые колонки; для тех, кто мечтает стать такими. Единственное, что мешает целостному восприятию, – воспоминание о снимке из альбома. Никаких сомнений быть не может: жертва удушения и девушка, что только что поцеловала Полину, – одно и то же лицо.

– А я не знала, что у нас великосветская вечеринка, – все не могла унять Маш. – Пойти, что ли, переодеться в платье для коктейля?

– На твоём месте я бы так откровенно не завидовала чужой молодости и красоте, – процедила Аля.

– И успеху, – добавил Никита, приблизившись к Полине и поцеловав ей руку.

Теперь они стояли рядом, трое успешных и молодых людей. А кресло, оккупированное неудачниками МашМишем, отодвинулось сразу на несколько тысяч километров – в бибиревский панельный ад. А камин с Ростиком и Шилом уплыл еще дальше, к дикому Белому

морю, где хорошо себя чувствуют лишь беспривязные любители экстрима.

- Ты здорово изменился, - сказала Полина.

- Это было несложно, - Никита улыбнулся, продемонстрировав ослепительно белые зубы. - Когда мы виделись в последний раз, мне едва стукнуло четыре года.

- И ты был дурацким бессмысленным толстяком, - похоже, Маш доставляло удовольствие задирать младших родственников. - Мне кажется, ты и сейчас такой же дурацкий бессмысленный толстяк.

Улыбка кинобрата стала еще шире. Намертво прибитая, на совесть зацементированная, она единственная удерживала каркас лица от распада на отдельные, снедаемые злобой куски. Глаза Никиты ненавидели Маш, его раздувшиеся ноздри ненавидели Маш, даже брови свело в одну линию от ненависти.

- Не обращай внимания, - шепнул он Полине. - По этой ничтожной суке давно плачет дурдом. Надеюсь, рано или поздно она там окажется.

- У вас здесь весело.

- Обхохочешься.

Неуклюжие и довольно предсказуемые шпильки Маш могут вызвать неприязнь или досаду, но ненависть... Это слишком сильное чувство, его нельзя расходовать на пустяки. Что же такого должна была совершить несчастная алкоголичка, чтобы вызвать демонов вражды из преисподней? Одним воспоминанием о пухлом детстве здесь не отделаешься. Требуются вещи посвежее.

- Прощу тебя, Гулька, - Аля ухватила брата за рукав. - Не заводись. Ты же знаешь, чем это обычно заканчивается.

- Чем? - осторожно спросила Полина.

- Ничем хорошим. Вчера чуть до драки не дошло.

- Ты преувеличиваешь. Я не бью женщин. Но этой хочется врезать от души. Честно говоря, уехал бы прямо сейчас из этого клоповника.

- А завещание?...

Молчаливый Лёка между тем принес из кухни две сковороды с жареной картошкой и поставил их в центр стола. Места по бокам заняли соленья - помидоры, огурцы и целая вязанка черемши. Последним выплыло огромное блюдо с дымящимся мясом, и только теперь Полина поняла, как проголодалась. Ростик и Шило откупоривали бутылки с водкой и домашним вином (если вдруг кому-нибудь придет в голову блажь запивать черемшу «Изабеллой»).

Через минуту все уже сидели за столом. Рассаживались в произвольном порядке - кому какое место приглянется, но итоговый результат насторожил Полину: застольная мизансцена вечера почти в точности повторила обеденные мизансцены двадцатилетней давности. Именно так все они и устраивались относительно маленькой Белки: Лёка, МашМиш напротив, между Лёкой и МашМишем - Шило. С ее стороны по левую руку уселись Аля с Никитой; Ростик тоже занял привычное место - в торце стола. Стул слева от Полины пустовал, и она немедленно

вспомнила, что рядом обычно сидела Тата. В суматохе все как-то позабыли о ней, но она непременно появится. Итого в доме присутствует девять человек. А стульев – тринадцать. Даже если учесть, что Лёка заранее побеспокоился о Сереже, хотя тот редко обедал вместе со всеми. Он предпочитал уединение, – но пусть один стул действительно приготовлен для него.

А остальные три?

Вернее – два стула и массивное резное кресло с высокой спинкой. К креслу у Полины не было никаких претензий: оно принадлежало Парвати, которая навсегда покинула этот дом не так давно. И стремление осиротевшего Лёки хотя бы таким нехитрым образом воссоздать иллюзию ее присутствия понятно. А вот два обветшавших венских стула совершенно не вписываются в пейзаж, им самое место на помойке, они раздражают своим несоответствием всей остальной мебели. И – пугают, потому что...

Сердце Полины замерло и снова часто забилося во второй раз – она вспомнила, что на тех местах, которые сейчас занимают проклятые венские уродцы, сидели когда-то одна смерть и одно исчезновение.

Это уже слишком!

Наверное, так думала не только она. Вот и Маш, обернувшись к Лёке, сказала:

- Опять ты за свое! Убери немедленно эту рухлядь.

Обычно покладистый Лёка неожиданно заартачился. Он положил тяжелую ладонь на спинку ближайшего к нему венца и тихо, но твердо произнес:

- Нет.

- Здесь только одной мне подванивает гнильем? – Маш посмотрела на деревенского дурачка едва ли не с ненавистью. – У остальных полностью атрофировалось обоняние?

Поддержка пришла не со стороны братца Миккеля, как можно было бы ожидать, а от Шиля:

- Маш права. Хочется посидеть спокойно, в теплой семейной обстановке. А при таком раскладе кусок в горло точно не полезет.

- Тебе полезет, – произнес Никита, бросив мрачный взгляд на здоровяка кузена. – При любом раскладе. Лично мне эти стулья не мешают. Пусть стоят.

- И мне не мешают, – поддержала брата Аля.

Оба они лукавили. Достаточно было посмотреть на их физиономии, чтобы понять: дурацкие стулья неприятны и им. Никита втянул голову в плечи, Аля морщится, как от зубной боли, но упускать момента, чтобы насолить Маш, они не намерены. Ради этой благой цели можно и потерпеть присутствие полуистлевших воспоминаний за столом.

- А ты что скажешь, Белка? – Шило был полон решимости избавиться от стульев, вот и искал союзников.

- Я не знаю... – Полина повернулась к Лёке. – Ты можешь объяснить, зачем они здесь?

- Бабуля, – коротко ответил Лёка.

- Что - «бабуля»?

На лице несчастного отразилась самая настоящая мука. Очевидно, объяснения требовали гораздо большего словарного запаса, чем тот, которым обладал Лёка.

- Наверное, наш даунито хочет сказать, что такова была воля покойной бабули, - снова впряглась Маш. - Так?

Лёка судорожно кивнул головой.

- Видите, как просто! Бабуля сказала - дурачок сделал, так было всегда. И плевать, что старуха уже в могиле, она и оттуда нас достанет. Испортит настроение посредством дурачка. Вот только одна старая гримза не учла. Она здесь больше не хозяйка. И ее посмертные пожелания - пшик. Ничто.

Ничто.

Маш прошипела это так эффектно, с такой яростью и вместе с тем - с болезненным удовлетворением, как будто ставила последнюю точку в заочном поединке с Парвати. Если таковой, конечно, когда-то происходил.

- Твоей заступницы больше нет. Ты хоть это понимаешь, дурачок? - победоносно глядя на притихшего Лёку, заключила Маш. - Привыкай жить своим умом. Ах да. Ум в твоей башке и не ночевал, как я могла забыть! Тогда отвыкай жить своим умом, пользы будет существенно больше.

Довольная шуткой, она откинулась на спинку стула и рассмеялась. Миш поддержал ее коротким хохотком. Даже Шило с Ростиком, которых никак нельзя было заподозрить в людоедстве, гаденько улыбнулись. Происходящее живо напоминало избиение младенцев, оно было подлым, было неправильным. И Полине надлежало немедленно вмешаться, защитить доброго Лёку, но... Ни одного слова не вырвалось из ее враз окаменевшего горла, ни одного звука. Она вдруг снова почувствовала себя маленькой Белкой, бессильной перед могуществом *бэнг-бэнг-бэнг*. Аля и Никита до этого активно сопротивлявшиеся Маш, тоже молчали, - еще бы, стоит ли ожидать каких-либо решительных действий от четырехлетнего толстячка и его маленькой сестренки? Полина как будто воочию увидела двух малышек, прижавшихся друг к другу. И себя саму - одиннадцатилетнюю.

Всему виной проклятые стулья.

Они, вольно или невольно, возвращают взрослых, состоявшихся людей в те времена, когда они были детьми. Механизм этого возвращения неясен и оттого пугающ, - но он существует!

- ...Вместе, - пролепетал Лёка. - Вместе!

- В каком таком месте? - поддразнила его Маш. - Твое место известно где. В сарае. При кухне. Вот и отправляйся туда. Когда будет нужно, мы тебя позовем.

- Вместе. Мы должны быть. Все вместе.

- Да мы и так все вместе, - Шило попытался выправить ситуацию. - Мы вместе. Разве ты не видишь, Лёка?

- Не все, - продолжал упорствовать тот.

- Сережа! - осенило вдруг Полину. - Ты имеешь в виду Сережу?

- Сережа. Да, - голос Лёки прозвучал не слишком уверенно.

Упоминание о Сереже вызвало у Маш новый приступ сарказма:

- Вот черт! Я и забыла о нашем Супермене. О нашем семейном достоянии, о нашем карманном олигархе. Но и ему при всем могуществе трудно будет усидеть на четырех стульях сразу. Миккель, Шило... Вынесите этот хлам!

Мужчины синхронно кивнули подбородками и двинулись к стульям. На этот раз даже Лёка не посмел им помешать. Он стоял, вцепившись пальцами в край стола; голова его мелко тряслась, а взгляд был устремлен на дверь, за которой когда-то располагались чертоги Парвати. И Полина вдруг поймала себя на мысли: как было бы здорово, если бы дверь отворилась. И темнолицее многорукое божество - ее собственная бабка - возникло бы на пороге.

Тут и конец твоему могуществу, Маш!

Наверное, о чем-то сходном думали и Аля с Никитой: они тоже, не отрываясь, смотрели на дверь. И совсем выпустили из виду лестницу, со стороны которой донесся смешок.

- Так-так-так! Едва собрались, а уже успели перессориться? Гадкие, гадкие детишки!..

Тата!

Увлечшись разборками со стульями, все как-то позабыли о ней. Как долго она наблюдает за происходящим, сидя на ступеньках лестницы?

- Никто и не думал ссориться, - буркнул Шило. - Все в порядке.

- Ты полагаешь? А я вот думаю, что все совсем не в порядке. Один человек... - Тата перевела взгляд на Маш и с нажимом повторила: - Один человек возомнил себя самым главным в отсутствие хозяев. По-моему, это неправильно.

- У нас здесь целый боекомплект блаженных, - фыркнула Маш. - Протри глаза, блаженная! Хозяева давно здесь.

- Это ты, что ли?

- Не только я.

- Но ты - в первую очередь. Маш - самая главная. Всегда, везде и во всем. Правда, до тех пор, пока...

Тата замолчала.

- Пока что? - подзадорила ее Маш.

- До тех пор, пока не появится кто-то еще.

- На что это ты намекаешь?

- Тебе не понравились старые стулья. Почему?

Почему Тата не спускается вниз? Сидит и сидит на этой проклятой лестнице. Как будто опасается приблизиться к столу, приблизиться к двоюродным братьям и сестрам. Что с ней не так? Или – не так со всеми остальными?...

- Этой рухляди здесь не место. Кажется, я ясно объяснила.

- Еще бы! Вот только тебя беспокоят не сами стулья. Тебя беспокоят те, кто когда-то сидел на них. Любое воспоминание о прошлом злит тебя. Тебе неловко, Маш. Тебе неприятно. Ведь все здесь знают, что...

- Что? – Маш побледнела.

- Сама знаешь.

- Иди сюда, детка. Шепни мне на ухо о том, что знают все. Смелее, не бойся.

Маш явно провоцировала свою молодую кузину на скандал, выманивала на просторы гостиной, к отрогам стола: туда, где все неожиданно подчинились ей. Все до единого – так почему Тата должна стать исключением?...

Но она даже не сдвинулась с места – девушка, с которой Полине так неожиданно захотелось подружиться. Она осталась на лестнице, и именно оттуда полетели в Маш тяжелые, как булыжники, слова:

- Все здесь знают, что в том, что случилось тем летом, виновата ты.

Стоило только Тате произнести это, как в гостиной воцарилась гнетущая тишина. И в самой сердцевине этой тишины, подобно насекомому в янтаре, застыла Маш – с искаженным болезненной гримасой лицом, растерянная и жалкая. Постаревшая сразу на пару десятков лет.

- Ложь! – прошамкала старуха Маш ввалившимся ртом. – Гнусная, омерзительная ложь. Я и пальцем ни к кому не прикасалась! А ты – просто сволочь, если распространяешь эти слухи. Дрянь.

- Может быть, и дрянь, – спокойно ответила Тата. – Но не убийца.

Первым опомнился Шило. Он крикнул, почесал всей пятерней в затылке и произнес совсем уж нелепое:

- Не ссорьтесь, девочки.

Маш, наконец-то вновь овладевшая собой, захохотала.

- Разве здесь кто-то ссорится? Здесь обвиняют в убийстве... Что, дрянь, ради того, чтобы завладеть этим сраным домишком, все средства хороши?

- Дом ни при чем.

- Еще как при чем! Дом на побережье всегда при чем. Думаешь, я не понимаю, для чего ты затеяла разговор?

- Чтобы наконец докопаться до истины.

- А вот и нет, дрянь, вот и нет! Ты просто решила убрать конкурентов. Хочешь, чтобы я уехала,

не дождавшись оглашения завещания. Чтобы мы с Миккелем уехали... Отказались от своей доли. Чем меньше соискателей на бабкино имущество, тем лучше, да?

- Имущество меня не интересует, - Тата надменно приподняла бровь.

- Жаль, что эта шутка не вошла в КВН! Кто же поверит, что голозадой провинциалке не нужен кусок земли, который стоит миллионы?

- О чем это она? - тихо спросила Полина у Али. - Разве наследство не делится поровну между всеми родственниками?

- Не между родственниками, а между внуками. И только теми, кто будет присутствовать в кабинете нотариуса. Такова была последняя воля бабушки, - шепотом ответила та. - Ты не в курсе?

- Нет.

- Странно. Все были оповещены...

- Кто-нибудь еще думает так, как думает эта дрянь? Что я - убийца? - повысила голос Маш, обведя взглядом стол.

Это был вызов, но никто не принял его: Никита и его сестра потупили глаза в тарелки; Ростик уронил вилку, полез за ней под стол, но выбираться не спешил. А Полина вдруг почувствовала, что какая-то неведомая сила сдавила ей горло. Наверное, то же самое чувствовал двойник Али с фотографии - прежде чем петля на его горле затянулась окончательно.

- Э-э... Никто так не думает, - медленно и с расстановкой произнес Шило. - Наверняка и Тата не думает. Она... просто расстроена. Из-за того, что здесь произошло тыщу лет назад. Я правильно говорю, Тата?

Тата молчала.

- Ну вот! Молчание - знак согласия!

- Мне плевать на ваши куцые мыслишки, - в голосе Маш неожиданно послышалось отчаяние. - Не знаю, кто из вас затеял грязную игру. Кто-то один или это плод коллективного разума. Но только вы меня отсюда не выкурите. Посмотрим еще, чья возьмет!

Трясущимися руками Маш плеснула себе в бокал коньяка и залпом выпила. А до сих пор молчавший Миш подошел к сестре и осторожно обнял ее за плечи:

- Успокойся, милая. Не стоит...

- Я совершенно спокойна. И ни на какую провокацию не поддамся, не переживай.

- А что случилось-то? - насторожился Шило.

- Принеси эту мерзость, Миккель.

- Может быть, не стоит?

- Принеси!..

Миш отсутствовал не дольше нескольких минут, и все это время в гостиной царил напряженная тишина. А когда он вернулся и бросил на стол кусок легкой прозрачной ткани, тишина и вовсе стала гробовой. Первым ее нарушил Шило.

- Что это? - спросил он.

- Это я нашла у себя под подушкой вчера вечером. Можешь рассмотреть его поближе.

- А что его рассматривать? Обыкновенный платок.

- Я тоже так подумала сначала. Обыкновенный платок. Не новый. Кому пришло в голову засунуть его мне в кровать? Присмотрись. Ничего не замечаешь?

- Ну... - озадаченный Шило повертел платок в руках. - Здесь какие-то пятна.

- Какие-то? Ты же мент, Шило. Соображай быстрее. Даже я сообразила.

- Кровь?

- Бинго! - Маш нервно хихикнула. - А теперь признавайтесь, дети, кто из вас решил подшутить над старушкой Машильдой?

И снова в гостиной воцарилось молчание. Лишь платок кочевал из рук в руки. После Шила настала очередь Ростика: он расправил платок, и теперь все присутствующие увидели пятна на ткани - бурые, бесформенные, громоздящиеся друг на друга. Полина не могла отвести взгляда - не от пятен, от самого платка. Она сразу же узнала его. Она узнала бы его из тысячи других: это был платок Асты. Тот самый, в котором ее впервые увидел москвич Егор. Потерянный у кромки пляжа и тут же счастливо найденный, он стал прологом к недолгому роману русалки-оборотня и парня с кассетником. И вряд ли Маш забыла об этом. Но даже если забыла, если заставила себя забыть, - кто-то напомнил ей об этом. Не тот ли человек, что подбросил Тате альбом с фотографиями, а Полине - жестянку с дохлой стрекозой?

- Если уж на то пошло, - неожиданно вмешался Никита. - Я тоже получил подарок.

- И я, - поддержал его Ростик.

- И я, - отозвалась Аля. - Вчера вечером. Надеюсь, он не от зубной феи.

- Что же вам всучили? - спросила Маш.

Ростик сунул руку в карман и вытащил на свет божий крохотную, искусно сплетенную из соломы фигурку какого-то животного, скорее всего - собаки. Одно ухо у соломенного пса было приподнято, а хвост завивался кольцом. Все с видимым облегчением тут же забыли о платке и переключились на фигурку.

Какой славный пес!

- Славный пес, - сказал Ростик. - Смахивает на нашего корабельного Дика. Я подобрал его три года назад, еще щенком. Теперь он живет на камбузе и стал самым настоящим членом экипажа. А это даже больше, чем член семьи.

- Не очень-то ты следишь за членами своей семьи, - Маш презрительно выпятила нижнюю губу.

- Это еще почему?

- Он... какой-то грязный. Твой соломенный Дик.

Тельце собаки и впрямь покрывали какие-то пятна. Но не рыже-бурые, как на платке, а темные, почти черные. То, что Полина издала приняла за подпалины, оказалось легким налетом копоти: как будто мини-Дика бросили в огонь и сразу же вытащили, испугавшись последствий.

- Интересно, что это может означать? Эта собака, я имею в виду? - Никита задумчиво пощипал бороду. - И что может означать вот это? Есть какие-нибудь соображения?

К стоящему на краю стола соломенному псу прибавились карманные часы на длинной цепочке. Крышка, защищающая циферблат, когда-то была покрыта эмалью, но теперь эмаль облупилась, - оттого и сами часы выглядели непрезентабельно.

- Павел Буре. Наверное, представляют интерес для коллекционеров. А практической ценности в них - ноль.

- Ты ничего не сказал мне о часах, - запоздало обиделась Аля. - Они милые.

- Они без стрелок. Вот что я имел в виду, когда говорил о практической ценности.

- Но я же рассказала тебе про открытку! Она тоже милая. Сейчас схожу за ней.

Аля выскользнула из-за стола, и никто не обратил на это внимания: все увлеклись разглядыванием часов. Когда они добрались до Полины, та вдруг подумала, что в облупленной часовой луковице гораздо больше смысла, чем в альбоме с фотографиями, стрекозе из жестянки и соломенном псе вместе взятых. Вернувшись в дом Парвати после двадцатилетнего отсутствия, она обнаружила, что время здесь как будто остановилось: ее одолевают те же эмоции, и те же страхи, и та же беспомощность перед Маш, и то же вечное ожидание Сережи. Как долго оно продлится, неизвестно, ведь стрелок на циферблате нет!.. Но сами часы, как ни странно, указывают на человека, которому они могли бы принадлежать.

Лёка!

В Лёкиной мастерской, куда редко заглядывали посторонние, стоял маленький стол, зажатый между двумя верстаками. Стол был завален самыми разными часами - наручными, карманными, каминными. Остовами старых ходиков и домами, где обычно живут металлические кукушки. Тем летом Белка навещала в мастерскую несколько раз, а однажды пришла туда с Сережей. Тогда-то ей и удалось разглядеть стол вблизи, а заодно - и малопонятное ей часовое изобилие.

- Лёка часовщик, да? - спросила она у Сережи.

- Лёка - философ.

О философии у одиннадцатилетней Белки было весьма смутное представление. Философ - человек, который много думает (к Лёке это не относится); философ - человек, который может все объяснить (к Лёке это не относится); философ - человек, который знает, как жить всем остальным людям. К Лёке это не относится, зато уж точно относится к Сереже. Впрочем, Белка тотчас же забыла о сравнительном анализе, заглядевшись на крошечные механизмы.

Вот часы под названием «Командирские», с большой звездой на циферблате, – точно такие же носит папа. Вот – женские в виде кулона и еще одни женские – на литом потускневшем браслете. Вот часы, от которых тянется металлическая цепочка, они сплюснутый воздушный шар. А есть еще часы-луковица, и часы-шкатулка, и часы-единорог. Циферблаты у всех часов разные, цифры на них тоже – римские, арабские, вытянутые и сплюснутые; двух похожих друг на друга не найти, и все же... В них есть и общее: ни один из механизмов не работает.

Единороги и воздушные шары мертвы.

Может быть, Сережа не так уж неправ: часовщик никогда бы не смирился с таким положением вещей, а философ...

Философ ко всему относится философски.

- Зачем Лёке столько часов, которые не ходят?
- Затем, что он философ, – улыбнулся Сережа. – И у него свои отношения со временем.
- Лёка хочет остановить его?
- Он уже это сделал. Думаю, он хочет совсем другого.
- Чего?
- Повернуть время вспять.

Какой смешной Лёка! Даже Белка знает, что ничего со временем поделать нельзя, как бы ты ни старался. Невозможно проснуться и оказаться во вчера, или в прошлом декабре с электрогирляндой «Космос» в руках, или у экспедиционного грузовика, где стоит шофер Байрамгельды – живой и невредимый. Насчет декабря Белка не очень расстраивается: будет еще не один декабрь с елкой и гирляндой, и с Синей птицей, которую они с папой повесят на самую макушку. И насчет массы других дней, которые уже стали вчерашними, – тоже. Ей жаль только Байрамгельды. Может, и Лёке кого-то жаль?

- Так не бывает, Сережа. Нельзя повернуть время.

Сережа улыбнулся и приложил палец к губам:

- Только Лёке об этом не говори.
- Не буду.
- Обещаешь?
- Да. А где он взял столько часов?
- Он знает места, где часов видимо-невидимо. Вот и достает их при случае.

...Интересно, как сейчас поживает Лёкина коллекция? И являются ли часы, которые Полина держит в руках, ее частью? Хорошо бы спросить об этом у самого Лёки, но он куда-то подевался.

- Никто не видел Лёку? – громко спросила она.

- Упс, - откликнулся Шило. - Ты ведь подумала о том, что и я?

- Не понимаю...

- Мастерская в саду. Там уйма всяких механизмов. А часов - больше всего.

Ну, конечно! Еще в детстве Шило отличался любопытством и непоседливостью (за что и получил свое прозвище). И такая грандиозная вещь, как мастерская, где полно милых мальчишескому сердцу вещей, просто не могла остаться без его внимания. Возможно, он уже побывал там и в нынешний приезд.

- Думаешь, это Лёка подбросил часы?

- Кто же еще?

- Зачем?

- Ну, откуда мне знать? Может, решил таким образом поприветствовать родственников, преподнести небольшие сувениры, так сказать. А поскольку клёпок у него в голове не хватает, то и сувениры получились дурацкие.

Что ж, в логике Шилу не откажешь. Сувениры и впрямь дурацкие, *детские* - часы без стрелок, соломенный пес, дохлая стрекоза в жестянке. Даже бывший в употреблении старый платок не выбивается из общего ряда. И все же что-то не складывалось в этой стройной и спасительной картине. Но что именно - Полина понять не могла.

- А тебе что преподнесли?

- Красотку девушку, - ухмыльнулся Шило.

Красотка девушка! Именно так называлась стрекоза, что лежала в жестянке, - красотка-девушка из семейства «Красотки», *Calopteryx virgo*. Полина, дочь энтомолога, сразу же признала ее, недаром все ее детство прошло среди насекомых, а часть отрочества - среди атласов и каталогов, посвященных насекомым. И странно, что она несколько не удивилась красотке-девушке, хотя должна была бы: этот вид стрекоз не живет у моря, он селится по берегам мелких речушек и озер. А в округе нет ни одного водоема, ни одного ручья. Наверное, этому можно найти какое-то объяснение, но Шило... Откуда далекому от энтомологии милиционеру известно имя синекрылой малютки?

- Ты имеешь в виду стрекозу?

- Какую стрекозу? - удивился Шило.

- Ты сказал - «красотка-девушка»...

- Ну да. Я и получил в безраздельное пользование красотку девушку. Вот, смотри!

Шило извлек из кармана шахматную фигурку ферзя - с нарисованными прямо под короной глазами. С нарисованным ртом. От глаз шли завывающиеся кверху закорючки-ресницы, а рот был сложен бантиком. Несколько неровных волнистых штрихов - по обеим сторонам от глаз и рта - символизировали волосы. Сходство со сказочными принцессами, какими их обычно рисуют дети, было очевидным.

- Разве не красотка?

- Пожалуй, - осторожно ответила Полина.
- А что получила ты?
- Тоже красотку-девушку. Так называется стрекоза.

Она достала из сумочки жестянку и положила ее на стол - рядом с ферзем, облупленными часами, потешной собакой из соломы. Эти вещи имели безусловную ценность - но только в глазах ребенка. Каким все эти годы был Лёка, какими были они сами - двадцать лет назад. Конечно, из общего списка детей можно смело исключить старших. А Белку? - можно ли исключить Белку, которой в то время исполнилось одиннадцать? И что-то в ее тогдашней жизни было связано именно с ферзем, или - шахматной королевой, *красоткой девушкой*.

Полина сразу вспомнила сон, приснившийся ей в том далеком августе. Собственно, она никогда не забывала о нем: изредка - раз в несколько лет - сон возвращался. Он не был кошмаром в классическом смысле, - ничего особенно пугающего в нем не происходило, но после пробуждения на Полину наваливалась сосущая тоска. Ужас она испытала лишь однажды - когда увидела сон впервые. Тогда одиннадцатилетней Белке приснилось странное, устланное коврами помещение. Ковры устилали пол, лепились к низкому потолку, свешивались со стен. На большинстве из них были вытканы гигантские шахматные фигуры, чему Белка несколько не удивилась, - это же сон!

Не удивилась она и тому, что фигуры неожиданно отделились от ковров, стали объемными. И на их матово поблескивающей поверхности стали проступать лица: МашМиш, Лёка, Аста, Парвати. А морда одного из белых коней вдруг напомнила ей добродушную физиономию Лёкиной собаки Дружка. По идее, на месте Дружка органичнее бы смотрелся мерин Саладин, но... Это же сон!

Был и еще кто-то, запертый в шахматной королеве, но как раз его черты постоянно ускользали от Белки. А ведь этот *кто-то* - главный здесь, Белка откуда-то знает это. В страстном желании рассмотреть королеву получше, она скользит по комнате, отодвигая ковры один за другим. Они все не кончаются, королева по-прежнему не открывает лица, как долго продлится эта игра в кошки-мышки?...

Все закончилось внезапно.

Отодвинув очередной ковер, Белка обнаружила за ним черноту. Да и ковры куда-то исчезли, все до единого: теперь чернота окружала ее со всех сторон, и снизу, и сверху. И в этой черноте повисли давешние фигуры с лицами вновь обретенных родственников. Ничего отталкивающего в них не было, даже Парвати улыбалась Белке - красными, похожими на рубцы от лозины, губами. Сходство с рубцами и насторожило Белку, заставило отступить назад. И не напрасно!

Откуда-то сверху, из черноты, посыпались змеи. Целый дождь из змей, целый водопад. Обвив фигуры мощными кольцами, они в мгновение ока превратили их в пыль, в ничто! Устояла лишь шахматная королева, по-прежнему неузнанная. А Белка не стала дожидаться, пока змеи подберутся к ней, и... проснулась.

- ...Эй, с тобой все в порядке? - голос Шила вывел Полину из оцепенения.
- Да... Да, конечно.
- Вспомнила о чем-то неприятном?

- Пустяки.

Совсем не пустяки, совсем. Она никому не рассказывала об этом своем сне, а все попытки разгадать его ни к чему не привели. Не помогло и обращение к сонникам, где змеи трактовались, как опасность и смерть; шахматы – как решение трудной задачи, а ковры – как благополучие и процветание, которые должны вот-вот наступить. Все это слишком умозрительно и далеко от истины, ведь маленькая Белка не была озабочена процветанием, не собиралась решать никаких задач, а о смерти не думала вовсе. Так чем был сон изначально и чем он стал впоследствии? Предупреждением. И напоминаем о том, что она что-то упустила. Не заметила, не обратила внимания тогда, когда нужно было смотреть во все глаза. Быть может, Лёке снился похожий сон, и – в отличие от Полины – ему удалось разглядеть шахматную королеву.

Он запечатлел ее, как умел.

Как умел!.. Только теперь Полина поняла, что выбивалось из стройного ряда детских подарков: альбом с фотографиями. Даже если его подбросил Тате именно Лёка, вряд ли он сделал это по собственной инициативе: слишком сложна драматургия снимков, слишком разные места на них изображены, слишком одинаково *не смотрят* в объектив герои. Да и потом – Лёка никогда не покидал Крым, представить его в роли опытного папарацци невозможно. Как невозможно представить его дружбу ни с кем, кроме... Сережи. Сережа – единственный, кто время от времени навещал Парвати. Единственный, кто относился к Лёке, как к равному, а вовсе не как к *даунито*. Но это означает...

Ничего это не означает.

Нужно просто дождаться Сережу, и все встанет на свои места. Вот только что делать с альбомом? В конце концов, она и Тата – не единственные его героини. Есть еще МашМиш, Шило и Ростик. И Гулька, и... двойник Али с прозекторского стола. Что, если альбом – тоже своего рода предупреждение? Довольно серьезное, если судить по последнему снимку. И Полина не имеет права скрывать его ото всех. Странно, что когда все вытягивали на свет божий свои киндер-сюрпризы, Тата и словом о нем не обмолвилась.

Она машинально повернула голову в сторону лестницы, где еще несколько минут назад сидела художница.

Лестница была пуста.

- А где Тата?

Никто не видел ее, никто не заметил, как и куда она исчезла: Шило и Ростик лишь пожали плечами, а Маш выразилась в том духе, что Тата может отправляться куда угодно – к морю, в поселок, в Ялту, в Симферополь, а лучше – так сразу к чертовой матери.

- Она же дохлая!.. – будничным тоном произнес Шило, и Полина вздрогнула. Спустя секунду оказалось, что речь идет всего лишь о стрекозе, которую он выудил из жестянки и теперь рассматривал на свет.

- Сдохла и мумифицировалась. Ай да Лёка! Отжег так отжег!

- Кто-нибудь ходит за этим идиотом? – спросила Маш. – Пусть объяснит, что за комедию он здесь затеял.

Первым на ее слова отреагировал Ростик:

- Я могу. Скажите только, где его искать?

- Почему я знаю? Посмотри на кухне. В мастерской. На старухиной половине...

- Будет сделано.

Сделав несколько шагов к лестнице, за которой располагалась кухня, он едва не налетел на спустившуюся со второго этажа Алю.

- Я принесла! - заявила она. - Вот эта открытка.

Но передать ее сгрудившимся у стола родственникам так и не успела. Улыбка сползла с ее лица, уступив место мертвенной бледности.

- Что это?

Голос Али был так тих и прерывист, что никто не расслышал его толком.

- Что это?!

Теперь она почти кричала, а исполненный ужаса взгляд застыл на пальцах Шилов, которые все еще сжимали стрекозу. Первым опомнился Гулька. В два прыжка он оказался рядом с сестрой и успел подхватить ее прежде, чем Аля потеряла сознание.

- Кто-нибудь! Принесите воды!..

Произошедшее с Алей было так странно и необъяснимо, что все на мгновение застыли в растерянности. А потом, суетясь и мешая друг другу, принялись искать пустые стаканы на столе. И лишь Маш не шелохнулась, безучастно наблюдая, как Гулька пытается привести Алю в чувство.

- Что происходит? - спросил Миш.

- Глубокий обморок, - констатировал Шило. - Одной водой здесь не отделаешься. Нужен нашатырь.

- И где его взять, этот чертов нашатырь?

- На кухне должна быть аптечка... Ростик! Поройся в аптечке. Она должна быть в навесном шкафу, справа от холодильника.

Отдав распоряжение тихо исчезнувшему за кухонной дверью брату, Шило присел на корточки перед Алей.

- И... часто с ней такое случается?

- Нет. Давно уже ничего подобного не было.

- Значит, раньше все-таки было?

- Раз или два. Это имеет какое-то значение?

- Мне кажется, она что-то увидела, - высказала предположение до сих пор молчавшая Полина. - Что-то такое, что напугало ее до обморока.

Со времени ухода Али в гостиной не прибавилось ни одного предмета, все вещи стоят на своих местах и тени лежат ровно так, как им положено. Быть может, Аля увидела кого-то за окном, неплотно прикрытом шторами? Или ей показалось, что увидела? Но, если бы речь шла о человеке, она бы воскликнула: «Кто это?»

Кто, а не что.

- Вообще-то, она пялилась на тебя, Шило. Я это точно помню.

Это сказала Маш. И в комнате на мгновение повисла такая тишина, что стало слышно, как по оконным стеклам барабанят капли дождя. И сквозь эту мелкую, частую дробь прорывался еще один звук - далекий и вовсе не такой настойчивый - «ууй-дии! ууй-дии!».

- Что за бред? - Шило даже покраснел от негодования.

- Вовсе не бред. Ты ее испугал. Ты! Вот и Миккель может подтвердить. Правда, Миккель?

- Ну-у, - промямлил Миш. - Что-то такое было.

- А я говорю - бред! С чего бы ей меня пугаться? Как будто она впервые меня увидела...

- Кто знает, кто знает, - губы Маш скривились в улыбке. - Но то, что она испугалась именно тебя, - медицинский факт.

Теперь и Полина вспомнила. Прежде чем Алины глаза затянуло пеленой ужаса, она действительно посмотрела на Шило. На его пальцы, в которых безвольно болталась стрекоза. Но ведь не мертвое же насекомое вызвало у нее такую реакцию? И где оно сейчас? - обе руки Шила свободны.

Спрашивать о судьбе пленницы жестянки Полина постеснялась: глупо в такой момент переживать о насекомом, того и гляди обвинят в элементарной черствости и отсутствии сострадания. Если не сам Шило, то уж Маш точно. Как показывают последние события, ничто не ускользает от ее цепкого и, несмотря на выпитое, трезвого взгляда. Вопрос со стрекозой можно отложить на потом, когда... когда Аля придет в себя.

Ууй-дии! ууй-дии! - продолжает скрипеть тьма за окном.

Что означает этот странный звук?...

Август. Белка

...В последующие сутки ничего страшного не произошло. Аста по-прежнему восседала в торце стола, но вела себя совершенно спокойно и больше не приставала к Мишу с дурацкими просьбами. И вообще делала вид, что его не существует в природе, - равно как и его сестры. МашМиш отвечали таллинской кухне таким же хорошо срежиссированным безразличием. Из Лёки и раньше невозможно было вытянуть лишнее слово, а на бормотание и крики малышей Белка с самого начала научилась не обращать никакого внимания. Вот и вышло, что обеды, завтраки и ужины потеряли нерв, и за столом царилась самая настоящая скука.

- ...Надоело! - сказала Аста в тот самый момент, когда Лёка поставил на стол огромный казан с

пловом.

Но реплика эстонки была адресована не ему, а пришедшей следом Парвати.

- Что именно тебе надоело, голубушка?

- Есть по часам со всей этой мелюзгой. У нас дома...

- У вас дома вы можете делать все, что угодно. Хоть на голове стоять. А здесь существует порядок, который не ты заводила. И не тебе его отменять. А тот, кому он не нравится...

- Я поняла, - дерзко перебила Парвати Аста. - Тот, кому он не нравится, - может выметаться.

- Кусочничать я не позволю, - припечатала старуха.

Дом Парвати устроен совсем не так, как Белкина ленинградская квартира. Хотя ее не назовешь маленькой - дом в десять раз больше. А может, даже в сто. В нем два этажа, огромный чердак, который сам по себе занимает целый этаж, и прилепившаяся к массивному телу дома башенка. Есть еще подвал - Парвати называет его «цугундер», вроде бы это должно означать тюрьму или гауптвахту. Вот только томятся там не люди, а банки с соленьями и мешки с картошкой. Отдельную полку занимает варенье - крыжовниковое, черносмородиновое, малиновое. Чуть ниже расположился бутылочный ряд. Все бутылки, как на подбор, пузатые, из темного стекла, с запечатанными сургучом горлышками: бабушка собственноручно делает вино из винограда «Изабелла». По стенам развешены пучки травы, сушеные грибы в марле, лук, сморщенные красные перцы и связки сухофруктов. Есть еще две рассохшихся бочки, старый сундук и кухонная утварь самого разного назначения.

В старом сундуке, по мнению Белки, заключена жизнь Парвати.

Жизнь ее детей окопалась двумя этажами выше, на чердаке со слуховым окном, заколоченным ровно наполовину. Окно - круглое и больше всего напоминает иллюминатор. Напоминало бы, - если бы не доски, скрывающие от глаз ровно половину окружности. Это делает окно похожим уже не на иллюминатор, а на месяц в его промежуточной стадии. Навечно застрявший между тонким серпом и полной луной. И свет на чердаке - мягкий, серебристый, *лунный*. Он льется на белые сугробы (а на самом деле - на старую мебель, покрытую белыми простынями), на юрты кочевников (а на самом деле - на чемоданы, саквояжи и сундуки). Чердачные сундуки явно моложе цугундерного. Все они заперты, а на крышках красуются самые разные буквы:

П.

В.

С.

Ч.

еще одно **П.**

и еще одно **С.**

Это могло бы сойти за дни недели, но для полноты картины не хватает воскресенья. Или вторника. Хотя это вовсе не дни недели, нет! Белкиного папу зовут Петр, отца Ростика и Шила

- Павел. Отчима Лазаря - Чеслав (имя странное и красивое одновременно). Зато у дочерей Парвати вполне обычные имена - Вера, Софья и Светлана. Шесть имен, шесть детей, шесть запертых на замок сундучков и старомодных, ростом с Белку, фибровых чемоданов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

mir-knigi.org